

Международная научно-практическая конференция «Базовый доход: пролог к социальной политике XXI века?»

Пленарная сессия: «Базовый доход: постановка проблемы»

Лилия Овчарова: Я, Лилия Овчарова, проректор Высшей школы экономики (ВШЭ) и директор Института социальной политики. Сегодня ВШЭ совместно с коллегами проводит мероприятие на тему, которая является в настоящее время ключевой, как я считаю, историей для людей, которые занимаются человеческим капиталом, уровнем и качеством жизни, и инновационным развитием.

Родителями этой темы являются два явления. Первое – понимание, что система социальной поддержки населения стала настолько сложной, многослойной, что многие страны поставили для себя задачу перейти к более простой системе социальной поддержки населения, в данном случае, используя для этого инструмент гарантированного дохода. С другой стороны, технологическое развитие, особенно промышленная революция, в частности, связанная с развитием робототехники, цифровой экономики, родила страх перед высвобождением людей, заменой их роботами. В этой связи возникает вопрос, что будут делать люди и на какие источники жить, если массовые специальности будут вытесняться роботами?

И с одной стороны, и с другой стороны есть оппоненты. В частности, нам известна позиция Ростислава Исааковича Капелюшников, известного исследователя рынка труда, который говорит о том, что человечество не первый раз сталкивается с технологическими прорывами, и все предыдущие разы оно совершенно спокойно эту проблему преодолевало. С другой стороны, несколько недель назад здесь в университет проходила конференция с коллегами из Франции по проблемам бедности, и мы достаточно внимательно рассматривали французскую систему борьбы с бедностью. И нам стало известно, что Эммануэль Макрон принял план борьбы с бедностью, и в рамках этого плана обсуждается соотношение дифференцированных форм социальной поддержки и единого подхода гарантирования дохода для всех.

Кстати, во Франции это пособие RMI является в значительной степени прототипом минимального гарантированного дохода.

А теперь для приветственного слова хотела бы передать микрофон Евгению Шлёмовичу Гонтмахеру, который в данном случае представляет экспертную группу «Европейский диалог», одного из со-организаторов сегодняшней конференции.

Евгений Гонтмахер: Спасибо, дорогие друзья. Я и профессор ВШЭ, так что нахожусь тут в двух ипостасях. Дело в том, что идея обсудить базовый доход родилась у меня и моих коллег как раз в «Европейском диалоге». Мы внимательно следим за тем,

что происходит в Европе. Целью проекта «Европейский диалог» является обсуждение с европейцами европейских проблем, а не проблем России. Но это и наши проблемы тоже. Мне кажется, в России мы к этой теме обязательно вернемся в практическом плане. Я попросил ВШЭ, Институт социальной политики нам помочь и поучаствовать. Я также благодарен Фонду Эберта за то, что они откликнулись на эту нашу идею. Так у нас и получилась конференция, которую сегодня проводим.

Было ли такого уровня обсуждение на таком высоком академическом уровне в России?

Не знаю. По крайней мере, в последнее время, когда социальные реформы обсуждаются в большом количестве, как-то эта тема в таком глубоком формате не затрагивалась. Сегодня мы пригласили целый ряд российских специалистов. Спасибо нашим зарубежным коллегам из Швейцарии и Финляндии, что они тоже приехали нам рассказать о своем опыте, потому что в целом ряде европейских стран есть и практические попытки как-то этот вопрос реализовать. Поэтому большое спасибо. Мне кажется, мы только вначале пути, потому что эта тема будет еще очень долго обсуждаться, в том числе, надеюсь, с нашим участием. Мы будем обязательно делать и публикации какие-то, и записки, и всякие доклады, и прочее. Спасибо.

Лилия Овчарова: Хотела присоединиться. Без Фонда Эберта сегодняшняя наша конференция и не состоялась бы. Фонд Эберта – давний друг не только ВШЭ, но и команды, которая работает в Институте социальной политики. Еще когда мы работали в Независимом институте социальной политики, у нас было много совместных проектов с Фондом Эберта. Для приветственного слова хочу передать микрофон Пееру Тешендорфу, руководителю филиала немецкого «Фонда имени Эберта» в Российской Федерации.

Пеер Тешендорф: Спасибо, что вы все пришли. Я представитель «Фонда имени Фридриха Эберта» в России. Это немецкая некоммерческая организация, политический фонд. Мы попробуем объяснить ценности нашего фонда – ценности социал-демократии.

Тема для нас очень интересна. Для социал-демократов все понятно с базовым доходом. Мы все «за». Но дискуссия и у нас в Германии очень сложная. Ценность работы укреплена в нашей западной идеологии. Человек себя понимает через свою работу или продукт работы. Критик Маркса, который на это посмотрит, скажет, что капитализм отражает работу человека. По настоящее время рыночная экономика предлагает помощь и поддержку человеку, если он работает или хочет работать. Работа в центре внимания. Даже в сегодняшней дискуссии в Германии, где есть проблема среднего класса, который противопоставляется бедным по условиям работы. «Они не хотят работать или они недостаточно пытаются попробовать получить работу. А мы работаем, мы лучше».

Это тупик, потому что тенденции, которые были озвучены – глобализация, цифровизация – радикально меняют наш мир, требуют от людей постоянно менять свою профессию или хотя бы навыки. Растет востребованность в свободном времени, чтобы иметь возможность адаптироваться. Значит, весь наш рабочий мир, весь общий мир меняется. И базовый доход – одна из возможностей показывать реакцию на это.

Мне очень интересно, ведя наши дискуссии в Германии, посмотреть, как вы с этим работаете, насколько вам это интересно, насколько для вас это возможно или нет в России. Мне очень будет интересно посмотреть на опыт коллег из Европы, и на вашу реакцию на него.

Спасибо, что наш диалог состоится. Обсуждать такие возможности уже надо. Спасибо, и желаю всем интересной дискуссии, новых впечатлений.

Лилия Овчарова: Большое спасибо. Мне, как модератору этой сессии, выпала честь предоставить первое слово Евгению Шлёмовичу Гонтмахеру. Именно он был инициатором сегодняшнего обсуждения, поэтому ключевой доклад на конференции мы все попросили сделать именно его.

Евгений Гонтмахер: Спасибо, коллеги. Недаром я посвятил свой доклад политэкономическим аспектам, потому что, с моей точки зрения, феномен базового дохода не является чисто экономическим, чисто социальным, и даже чисто политическим. Это что-то новое, что действительно может поменять всю социальную политику в широком смысле этого слова.

Для начала о мифах.

Первая реакция многих из тех, кто впервые слышит про базовый доход: «Это социализм». И еще: это уравниловка, которая противоречит либеральному подходу к тому, как должна быть выстроена жизнь, патернализм и так далее. Но это не так. Не буду подробно рассказывать про историю этой идеи. Она действительно пришла к нам от утопистов, которые жили в Средние века. Но в XIX-XX веках ее поддерживали многие либеральные деятели и ученые. Например, Милтон Фридман. Когда я говорю многим моим коллегам об этом, они сильно удивляются. Я пытаюсь им доказать, что базовый доход – это не просто либеральная, а либертарианская идея, ведь предполагается, что этот доход заменит многочисленные льготы, целевые выплаты и так далее. Упрощение системы социальной помощи означает во многом уход от государственной зависимости. Если социальная политика построена на том, что государство вам что-то дает в виде многочисленных выплат и льгот, то обратная сторона этого – появление вашей сильнейшей зависимости от государства, которое, по сути, вмешивается в вашу жизнь, определяя, годитесь ли вы для такой помощи или нет. В случае базового дохода государство существует фактически один раз: на уровне законодательной власти, либо в масштабах всей страны, либо в масштабе какого-то региона, который

принимает такое решение, и оно исполняется. После этого контакт людей с государством минимизируется. Я уже не говорю про экономию на бюрократическом чиновничьем аппарате, который занимается всеми этими вопросами. Я намеренно привожу эти аргументы тем, кто считает, что эта идея глубоко социалистическая. Я тоже сторонник того, что базовый доход, если будет правильно внедряться, станет глубоко либеральным, и даже либертарианским проектом.

Следующий миф: «популизм». В Италии к власти пришла партия «Пяти звёзд», у которой в программе записано, что необходимо ввести базовый доход. В Швейцарии прошел референдум, который был инициирован людьми, которые, как считается, популисты. Они якобы хотят при помощи этого инструмента прийти к власти, купить население: «Мы вам будем раздавать деньги, а вы, пожалуйста, голосуйте за нас». Это далеко не так. Конечно, базовый доход может использоваться и популистами, но напомним любопытный малоизвестный факт: президент США Никсон два раза вносил в Конгресс предложение о введении похожей выплаты. Но демократы не хотели, чтобы республиканцы взяли себе эти лавры, и они это дело зарубили. Дело не в популизме, а в исполнении, потому что любые идеи, прежде всего, социальные, можно представить как популизм. Но если идея реализуется достаточно профессионально, то она не становится популистской, а приносит определенные общественные и социальные блага.

Миф № 3 – «не хватит денег». Этот аргумент всегда появляется, когда обсуждается какая-то новая социальная идея: мол, у нас ресурсы ограничены, и т.п. Но вопрос заключается в том, как считать, и вместо чего появляется базовый доход. Если это дополнение ко всему тому, что государство предоставляет, то, наверное, вопрос правомерный, где взять на это деньги. Но если речь идет об упрощении социальной политики, то во многих случаях это финансово очень эффективно, и это как раз очень хорошо, когда люди понимают, на что они имеют право, что они будут получать.

Возьмите, например, нашу пенсионную систему, которую запутали так, что, по моему, ни один даже образованный человек не понимает, какая у него будет пенсия, как она рассчитывается.

Есть еще один аргумент против базового дохода: убиваются стимулы к личностному саморазвитию, люди будут лежать на диване, ничего не делать. Я считаю, что такая точка зрения явно отдает популизмом, потому что проведено уже достаточно много исследований, которые показывают, что это далеко не так. Конечно, все зависит от того, как это делается. Мухаммед Юнус, Нобелевский лауреат по экономике, в Бангладеш давал микрокредиты большому количеству бедных людей. Оппоненты ему говорили: «Эти деньги тебе не будут возвращать». Но возврат оказался очень хорошим. Он смог вытащить при помощи этого микрокредитования из бедности, из нищеты довольно большое число людей, которые не бросились эти деньги пропивать, проедать. Они их в дело направили. И подобные опыты были проведены и в других беднейших странах. Они говорят о том, что человеческая природа более

сложная, чем это многие понимают. Патернализм – это не врожденное качество. Хотя его можно воспитать.

Безусловно, существуют очень большие риски, которые связаны с идеей базового дохода. Например, размер выплаты имеет значение, потому что здесь, видимо, должен быть баланс между тем, чтобы действительно обеспечить удовлетворение каких-то минимальных потребностей людей, решить проблему крайней бедности и нищеты, но, с другой стороны, это не замена всех источников существования. При определенном размере базового дохода можно действительно инициировать патерналистские настроения. Вопрос размера имеет очень большое значение, требует очень больших разработок, но он абсолютно решаемый. Если его точно измерить и угадать, то, с моей точки зрения, все стимулы и к развитию, и к саморазвитию человека остаются на месте, и решается проблема избавления человека от нищеты, о чем сейчас очень многие говорят.

Еще один риск: слишком быстрый переход на одинаковые выплаты. Многие думают (это тоже относится к мифам), что базовый доход – это когда всем членам общества выплачивается на равных основаниях одна и та же выплата. Кое-где такой подход реализован. Например, в штате Аляска есть фонд, куда нефтяные компании перечисляют деньги, и каждый житель штата ежегодно получает в зависимости от того, сколько денег поступило в этот фонд, небольшие по местным меркам 1,5-2 тысячи долларов. Но это немного экстремальный пример, который вряд ли может быть распространен, в особенности, на большие государства. Скорее всего, элементы базового дохода должны применяться в отношении каких-то групп, но не всего населения. Кстати, в пенсионной системе элементы это уже есть, когда мы говорим о фиксированной выплате, которая в России существует (раньше это была базовая часть пенсии). Но просто ввести базовый доход одним махом для всего населения – это как раз и будет тот популизм, которого надо избегать.

Еще один риск: сохранение слишком большого числа предыдущих мер социальной поддержки населения. Безусловно, базовый доход должен быть вместо них. Тогда ситуация становится понятнее, проще. И, наверное, в этом смысле она финансово и экономически более реализуема.

В больших странах есть еще один риск: игнорирование внутренних территориальных различий. Нынешняя социальная политика в России во многом построена на том, что многие виды социальной помощи носят универсальный характер, предлагаются для всей территории страны. С моей точки зрения, из-за этого мы часто имеем очень большую неэффективность, когда где-то этого мало, где-то этого, наоборот, слишком много. Одна и та же сумма, которая будет выплачиваться на Юге России и в Северных районах, будет совершенно разной с точки зрения социальной эффективности.

Теперь очень важный вопрос: какие проблемы может решить введение базового дохода?

Прежде всего, это труд. Здесь я исхожу из того, что на всем протяжении индустриальной эпохи, которая заканчивается, для большинства труд был источником средств к существованию. Люди работали, потому что им надо было получить хоть какие-то средства, чтобы выжить. Поэтому труд часто носит характер фактически принуждения. Маркс писал, что при капитализме наемный труд – это фактически закабаление человека, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А социализм и коммунизм, по Марксу и Энгельсу, превращает труд в форму самореализации, а не только в источник средств к существованию. Звучит немножко странно после советского применения марксизма на практике. Тем не менее Маркс был великим социологом. Когда он написал, что капитализмом заканчивается предыстория человечества, а потом начнется история, то я это отношу, в частности, и к вопросу о природе труда.

Базовый доход, если он правильно внедрен, позволяет семье человека иметь уровень дохода, конечно, не на уровне среднего класса, но не беспокоиться о выживании в физиологическом смысле этого слова. Роль человека, его положение в обществе принципиально может измениться, потому что человек не будет бегать с высунутым языком за куском хлеба, у него появляется больше возможностей выбрать труд, занятие в соответствии со своими склонностями, в соответствии с тем, как человек хочет самореализовываться. Это очень важный вопрос. Мне кажется, для социологов, философов он имеет очень большое значение. Это переход общества в качественно иное состояние. Уже сейчас в развитых странах, которые достигли определенного уровня ВВП и уровня жизни, мы видим переход к новому качеству жизни. Это принципиально важный момент, потому что это изменение характера труда – от средства выживания к инструменту самореализации личности – резко повышает качество жизни.

Теперь более конкретная вещь – это занятость. Сейчас происходит переход к новой промышленной революции. Происходит изменение характера труда в более практическом смысле этого слова: занятость начинает быть распределенной, дистанционной, люди перестают работать в больших трудовых коллективах. Плюс, меняются технологии, и люди должны в течение жизни – по-моему, это становится уже банальностью – 2-3 раза точно сменить свой профиль, чтобы быть конкурентными на рынке труда. И базовый доход может быть демпфером во время переходов людей по их циклам, когда появляются пробелы в текущих доходах из-за того, что надо, допустим, переучиться.

Мы видим уже обеспокоенность значительной части общества тем, что при переходе на новые технологии люди могут терять работу, терять доход, даже в политической сфере. И это, с моей точки зрения, очень важно. Снова же вопрос о том, как это должно применяться на практике.

Еще одна сфера для базового дохода – муниципалитеты. Это принципиально важно, потому что децентрализация власти – глобальная тенденция. Россия от этого тоже

никуда не денется, хотя сейчас у нас идет обратный процесс – централизация власти. И базовый доход, прозрачное его администрирование, очень простое и понятное всем, должно лечь на местные органы власти, с моей точки зрения. Это к вопросу об универсальных решениях на национальном уровне, особенно в больших странах. Видимо, более эффективны решения по каким-то группам населения – это, прежде всего, вопросы местные, и это принципиально важно, потому что сами люди определяют целесообразность того или иного действия. Это часть общественного договора, который, так или иначе, должен быть.

Какие условия должны быть для того, чтобы эффективно внедрять базовый доход? Это такой инструмент, который при непрофессиональном поспешном действии может принести вред в виде дискредитации очень многих правильных идей. Поэтому здесь должна быть высокая степень общественного согласия, функционирующий общественный договор. Здесь большая роль законодательной власти. Это принципиально важно, и это упирается в политическую систему. Я глубоко убежден, что в авторитарных режимах, какой бы ни был хороший президент или лидер, эффективный базовый доход не ввести, потому что, так или иначе, очень серьезно повышаются риски ошибок, когда один человек принимает решения, когда он не находится в системе жесткого диалога, жесткой дискуссии с представителями общества, которые представлены в том же самом парламенте.

Это к вопросу о России. Мы с вами видим колоссальное количество ошибок в социальной политике при том, что есть, наверное, воля и желание улучшить положение людей. Но все ошибки, которые мы с вами видим, в том числе в последнее время, связаны с процедурой принятия решений, с тем, что эти решения принимаются поспешно и кулуарно. Поэтому вопрос базовых общественных институтов принципиален, это вопрос действующей децентрализованной демократии. Демократия переживает сейчас тоже эволюцию, в том числе в развитых странах, она переходит, видимо, к каким-то формам прямой демократии. Только в этом процессе можно всерьез говорить о введении базового дохода или его элементов, действуя от частного к общему, избегая радикальных решений. Лучше сначала элементы базового дохода внедрить в отношении каких-то отдельных групп населения, посмотреть, как это происходит, извлечь из этого какие-то уроки, чем поспешно, исходя из популистских целей – возвращаясь к авторитарным режимам – реализовывать эту идею.

Вся система базового дохода должна находиться постоянно под контролем и общества, и СМИ. И, повторюсь, роль законодательной власти принципиально важна.

Если в стране нет сильной законодательной власти, реально самостоятельной, нет разделения властей, то базовый доход вводить не стоит. Это обязательно выльется в какую-то популистскую авантюру и минусов будет больше, чем плюсов.

Спасибо.

Лилия Овчарова: Спасибо, Евгений Шлёмович. Следующий докладчик Руслан Емцов, ведущий экономист и руководитель группы Глобальная практика по социальной защите и рынкам труда Всемирного банка. Руслан – большой друг нашего Института. Мы очень благодарны ему за вклад, который он вносит в повышение компетенций сотрудников института. Руслан сегодня будет присутствовать на конференции благодаря техническому прогрессу и развитию цифровых технологий, потому что он в Вашингтоне, и его доклад сегодня будет дистанционным.

Руслан Емцов: Приветствую всех. Мне очень приятно выступать перед специалистами, перед такой аудиторией. Постараюсь рассказать об исследовании, которое мы проводим сейчас во Всемирном банке. Тема выступления была заявлена немного амбициозно, и предполагалось, что ко времени нашей сегодняшней встречи работа по книге и анализ страновых данных будет закончен. А получилось так, что мы сосредоточили наши усилия на докладе о мировом развитии, который был представлен на годовом собрании Всемирного банка, где участвовала российская делегация и представители всех стран мира. Говорили о будущем рынков труда. То, что мы обсуждаем сегодня, не связано с этой тематикой. Тем не менее, это задержало подведение итогов в этом докладе. Поэтому сегодня я буду говорить о предварительных результатах. Думаю, у нас получится закончить этот доклад к концу февраля, и тогда, возможно, мы сможем представить эти результаты, уже окончательные, одобренные, прошедшие техническую апробацию у нас в банке, и со странами, которые участвуют в этом исследовании.

Считаю, нам все равно полезно поговорить о принципах, основах того, как мы подходим к оценке реализации базового дохода, поговорить о том, насколько эта идея приложима к российским реалиям.

На слайде № 2 мы привели основные публикации, которые появились буквально в течение последнего года по тематике базового дохода. Можно сказать, что это, наверное, самая активно обсуждаемая экономистами тема. Все более-менее известные ученые и международные организации как-то отмечают в этой тематике, готовят доклады, готовят публикации. Всемирный банк не является исключением. Мы решили дополнить существующую литературу тем, что посмотрели на место этой идеи в эволюции социальной политики, особенно в странах со средним и низким уровнем развития.

Эта идея закономерно распространилась в Европе, для развитых стран, в Соединенных Штатах, но насколько она имеет будущее в странах со средним уровнем развития?

Слайд № 3. Почему базовый доход стал такой притягательной идеей? Я попытался бы обрисовать три основные темы, которые лежат в основе того, почему базовый доход привлекает к себе такое внимание. Первое – несомненно, это изменения на рынке труда. Они связаны с автоматизацией, о которой говорил Евгений Шлемович.

В частности, недавно подготовили исследование по рынку труда в США, которое показало, что 47% всех профессий, которые существуют в стране, подвержены риску автоматизации и, в принципе, риску замены людей роботами. Это очень серьезное изменение. Мы в нашем докладе о мировом развитии, о котором я уже сказал, пишем о других рисках, связанных с модернизацией занятости и новыми тенденциями на рынке труда. В частности, о том, что стандартная модель занятости, которая связана была с тем, что занятость обеспечивает доступ к целому набору методов социальной защиты, как дохода, так и других форм социального обеспечения, она размывается. Все больше появляется гибких форм, появляются современные платформы, такие как Uber, новые формы вовлечения в рынок труда, которые совсем не связаны ни с какими формами социальной защиты, ни с какими формами социального страхования. В связи с этим возникает вопрос: как же обеспечить людям какие-то минимальные стандарты вовлеченности в эти системы защиты от рисков, которые неизбежны, и которые, на самом деле, нарастают – риски климатических изменений, риски, связанные с глобализацией экономики. На самом деле, они усиливают запрос на какие-то формы деления рисков в обществе.

В последнее время очень активно обсуждается тема о социальной справедливости. Опять марксизм становится модным течением, несмотря на наше скептическое отношение к этой концепции. Мы видим, что повышается запрос на то, чтобы те сверхдоходы, которые возникают в связи с ограничением природных ресурсов, во-первых, и совершенно фантастическим развитием интеллектуальных ресурсов и их оценкой, во-вторых, как обеспечить так, чтобы они распределялись справедливо, и чтобы все члены общества были вовлечены в процесс их экономической валоризации.

Также Евгений Шлёмович говорил, что эволюция систем социальной защиты в обществах пришла к всё большему усложнению, нарастанию многочисленных программ со сложными условиями участия. Эта сложность становится уже препятствием для включения, для того, чтобы все члены общества имели равный доступ к социальной защите. И идея базового дохода, ее третье обоснование и третья инновация – это во многом ответ на те вызовы, которые связаны с фрагментацией существующих систем социальной защиты и с их усложнением, развитием, которое стало препятствием для их собственной эволюции.

Следующий слайд – это разные цитаты из достаточно известных авторов, которые пишут о развитии систем социальной защиты, о развитии социальной политики. Взгляды достаточно противоречивые, охватывающие сложности этой проблематики.

Видно, что ряд авторов достаточно активно проводит идею базового дохода, поддерживает эту идею, и пишет, что эта идея во многом связана с современными проблемами эволюции, с применением концепции прав человека в реальной политике. Требуются новые ответы на вызовы современности, а существующие формы при всей их сложности не обеспечивают адекватное реагирование на

сложность социальных проблем, с которыми столкнулось человечество. Мне кажется, эта дилемма, можем ли мы каким-то способом ответить на те вызовы, которые есть, с помощью базового дохода, является сердцем проблемы, которую мы обсуждаем сегодня.

Слайд № 5 о том, как в нашем исследовании Всемирного банка была проведена попытка структурировать задачу оценки реализуемости идеи базового дохода в конкретных условиях в развивающихся странах. К сожалению, дебаты о базовом доходе в основном европейские, в основном это дебаты развитых стран с очень долгой историей развития общества всеобщего благосостояния. Тем не менее, большая часть человечества живет в других условиях. Политики в других странах тоже обсуждают эту тему. На предыдущем слайде я привел слова одного очень известного индийского исследователя. Проблема базового дохода в Индии является одной из самых активно обсуждаемых тем среди политиков этой страны. Поскольку больше 1 миллиарда населения живет в таких странах, то мы не можем оставить в стороне явно существующий запрос на реализацию такой формы социальной политики.

Что мы попытались сделать? Мы попытались определить и посмотреть, как эта идея базового дохода соотносится с текущей эволюцией систем социальной защиты в разных странах на разных этапах развития.

Главные проблемы, о которых говорят скептики, сторонники базового дохода – это влияние базового дохода на трудовую активность, на поведение на рынке труда, и на более глобальное социальное поведение. Мы попытались описать основные теории и эмпирические результаты того, как участие в системах социальной защиты влияет на эту специфическую область человеческой активности.

Основная часть нашего доклада связана с тем, что мы пытались оценить последствия введения базового дохода в разных контекстах в странах с разным уровнем развития на социальное неравенство и бедность, учитывая то, как может финансироваться эта форма социальной помощи.

Также мы попытались оценить налоговые последствия или ресурсное обеспечение, которое необходимо для реализации разных сценариев.

Существенным вкладом нашего доклада является оценка политической экономии или влияние базового дохода на политические процессы. В частности, очень детальный анализ того, как эта идея соответствует разным идеологическим концепциям и разным взглядам на проведение социальной политики.

Наконец, очень большие усилия Всемирного банка сейчас направлены на понимание того, как в XXI веке технологическая революция меняет экономику. Какие вызовы и возможности возникают в связи с реализацией новых подходов и технологических решений для администрирования и практической реализации разных форм защиты. Мы пишем о платежных системах, информационных системах.

Они могут быть и способствующим фактором к реализации базового дохода, но также и как эта идея соотносится с общей эволюцией тех систем, которые складываются в разных странах мира.

Слайд № 6 описывает позитивные последствия введения базового дохода, но также описывает основные сомнения в том, как эти меры могут влиять на существующие процессы в системах соцзащиты.

Позитивное воздействие на занятость, позитивное воздействие на решение проблем бедности, социальной включенности, об этом пишут очень многие аналитики и сторонники базового дохода.

Пара слов о сомнениях, возникающих по поводу введения базового дохода. По теме стимулов к труду сегодня будет вестись дискуссия, и проблема во многом эмпирическая. Те пилоты, эксперименты, которые существуют, они не показывают никаких рисков в этом отношении. Но пока это те формы базового дохода, которые не обеспечивают уровень защиты, о котором сторонники этой идеи пишут.

Хотел сказать несколько слов о более политических последствиях. Одно из них – это стимулы к сотрудничеству. Базовый доход обеспечивает такую защиту на индивидуальном уровне, который ослабляет стимулы к активному сотрудничеству наемных работников для того, чтобы противостоять работодателям, и требовать нормальных условий занятости, нормальной заработной платы. Это важный фактор, о котором не следует забывать.

Кроме этого, пока эволюция и тенденция к развитию занятости на рынках труда... Это к тому, что распространялась форма стандартного контракта. Мы знаем, что стандартный контракт со всеми вытекающими последствиями для социального страхования, систем социальной защиты, он размывается. Тем не менее, активное введение такой формы и явное ее использование может ускорить этот процесс и привести не только к снижению стандартов занятости, но и снижению уровня минимальной оплаты труда.

Многие авторы пишут, что опасаются, что такое обеспечение минимального прожиточного дохода может привести к инфляционным последствиям, и к тому, что просто возникнет такая спираль. Все больший уровень защиты, обеспечения минимальных гарантий перейдет к тому, что цены на основные товары, обеспечивающие нормальное существование современных обществ, будут расти довольно быстро, и возникнет гонка между социальными гарантиями и тем уровнем прожиточного минимума, который члены общества могут для себя обеспечивать, чтобы нормально участвовать в социальных процессах.

Слайд № 7 ставит вопрос о том, какие интеллектуальные, аналитические вопросы экономисты должны решить для того, чтобы решить эти сложные дилеммы финансирования политической экономии.

Понятно, что базовый доход решает очень важную, ключевую проблему социального контракта или общественного договора, о котором говорил Евгений Шлёмович, и который, на мой взгляд, является ключевой мотивацией того, почему о базовом доходе так активно пишут. Этот новый социальный договор основан на том, что социальная политика из какой-то маргинальной области, социального полагания и решения социальных проблем, становится центральной, и связана с тем, что средний класс, который во многом является пока основным источником средств для социальной политики, тот, кто оплачивал все системы общества всеобщего благосостояния, о которых мы уже говорили, становится непосредственным участником и бенефициаром этого нового общественного договора. При этом те формы базового дохода, которые активно обсуждаются, Евгений Шлёмович, отход от простых форм, когда всем одинаково платят определенную сумму, и вводятся системы, которые больше связаны с негативным доходом, отрицательным подоходным налогом Милтона Фридмана. Идеи о том, что можно каким-то образом обеспечить участие большинства населения, но при этом исключать сверхдоходные группы из участия в этой системе, очень привлекательны. Но, тем не менее, надо ответить на базовые вопросы, которые связаны с тем, что должен быть определенный общественный консенсус, кто участвует в базовом доходе, где провести границу, как этот базовый доход должен соответствовать системам социального страхования, особенно пенсионного обеспечения, и как эти возросшие риски климатических изменений, стихийных бедствий, экономических потрясений, которые во многом ликвидированы современной глобальной экономикой, как они будут соответствовать тем запросам на общественные ресурсы, которые реальный базовый доход предъявляет? Останутся ли деньги на такие новые формы соцзащиты, которые необходимы для общества, для ответа на эти современные риски?

Следующий слайд № 8 – это наш обзор того, что сейчас есть в литературе, что в современных исследованиях о базовом доходе позволяет нам увидеть, какой потенциал имеется у этой идеи, в ответе на эти глобальные риски.

Первое. Поскольку мы представляем Всемирный банк, для нас ответ на то, насколько новая идея социальной политики является полезной, определяется тем, насколько она позволяет решить проблему бедности и проблему социальной исключенности. Мы видим, что ответ на этот вопрос, он неоднозначный, зависит во многом от контекста. Во многом идея базового дохода позволяет нам думать о том, а те административные меры реализации социальной политики, которые есть, способны ли они охватить маргинальные слои населения, вовлечь всех членов общества в новую систему социальной защиты? Если да, если система готова, допустим, если система готова ответить на вызов полной вовлеченности всех членов общества в эту систему социальной политики, то тогда эта система может быть продуктивной. А если в таких случаях, когда, допустим, Мозамбик, одна из стран, которая участвует в нашем исследовании, просто физически административно не

существует ресурсов и возможностей обеспечить такое 100%-ое включение, то, возможно, эта идея является не слишком актуальной.

Что мы видим? Во многих развивающихся странах проблема развития и социальной защиты связана не столько с недостатком физической воли, сколько с недостатком ресурсов, запросов на государственные ресурсы с точки зрения образования, развития человеческого капитала, с тем, что обеспечение разумного и нужного базового дохода, возможно, оттянет на себя те ресурсы, которые хотелось бы использовать для других целей человеческого развития.

Способен ли базовый доход преодолеть тенденцию к фрагментации, к чрезмерному осложнению существующих систем соцзащиты? Да, здесь есть определенный потенциал, и во многом это запрос, который следует решать... ответ на этот запрос лежит в прикладных исследованиях в политической экономии, в том, насколько общество готово объединяться, унифицировать, заменять уже существующие чрезвычайно сложные системы достаточной простой и понятной для всех членов общества формой поддержки дохода. Поможет ли это укрепить социальную стабильность? Главный вопрос. Может ли это изменить общественный договор? Я уже говорил об этом, это главный вопрос современности. Возможно, те страны, которые возьмут на себя смелость и станут странами, которые реализуют эту идею на практике, ответят на этот вопрос и покажут, действительно ли потенциал социальной инновации, объявленный сторонниками этой идеи, действительно ли его можно реализовать в жизни.

Мы видим, что универсальные правила о том, каким он должен быть, кому его надо предоставлять, скорее всего, не нужны, потому что идея крайне политизированная, и будет реализовываться в уже существующих политических контекстах, и навязывание каких-то стандартов здесь является преждевременным.

Следующий слайд № 9 говорит о том, как мы пытаемся оценить эффекты введения базового дохода в 10 странах, в которых мы проводим это исследование. Эти страны очень разнообразны, такие как Мозамбик, Чили, Южная Африка, Индия, Россия, Казахстан, то есть страны с очень разным уровнем развития, находящиеся на разных этапах эволюции систем социальной защиты. Мы подходим к этому как к экономической задаче, когда мы смотрим на реальные экономические эффекты для разных групп населения от объединения разных существующих мер системы, единый базовый доход, и каких-то дополнительных, которые можно направить на то, чтобы этот базовый доход довести до разумного уровня.

Слайд № 10 показывает нашу методологию, то, как мы подходим к тому, как оценить последствия или как моделировать последствия введения базового дохода. Используя данные, мы пытаемся также – это во многом является нововведением в нашем исследовании – использовать последние разработки по налогообложению, пониманию того, кто платит за разные социальные программы, кто платит налоги, чтобы тоже ввести этот элемент в наши оценки. Это то, что во многом задержало

нас, почему мы сейчас не готовы вам представить конкретные цифры. Это то, что мы делаем непосредственно сейчас.

Следующий слайд № 11 представляет шесть сценариев, на которые мы смотрим. Мы смотрим на существующую систему и ее результаты. Смотрим на то, как мы могли бы перераспределить всю существующую социальную помощь как базовый доход. Смотрим на возможное увеличение этой системы для того, чтобы либо обеспечить всем прожиточный минимум, либо хотя бы закрыть дефицит бедности. И мы оцениваем это по сравнению с идеальным адресным пособием, которое позволит существующие ресурсы перераспределять малоимущим или уязвимым слоям населения.

Слайд № 12 описывает предварительно наши результаты. Мы показываем, что в тех 10 странах, в которых мы провели наше моделирование, перераспределение существующих средств, объединение существующих выплат в единое базовое пособие, плюс доведение его до какого-то разумного уровня, которое обеспечивает действительно улучшение уровня малоимущих и малообеспеченных, это очень существенные ресурсы. Мы говорим от 3% до 50% валового внутреннего продукта.

Впоследствии результатом станет то, что наложив новый дизайн на существующие системы, мы видим, что не только есть те, кто выиграет от этого. Есть достаточно большая группа, которая проиграет, кто платит налоги, прямые, не прямые, есть достаточно большая группа среди малоимущих, которая потеряет от введения такого единого пособия. Мы не хотим причинить вред людям введением базового дохода взамен существующим программам. Мы видим, что это скорее не замещающая форма, а дополняющая форма. Во многом это связано еще с политической экономией. Существуют группы, которые заинтересованы в существующих системах социальной помощи, соцзащиты, и, скорее всего, компромисса можно достичь, строя базовый доход как дополнение, как надстройку над теми системами, которые уже есть.

Слайд № 13 описывает и суммирует уже сказанное. Это результаты наших эмпирических исследований. Ясно, что это не рекомендация, это просто предупреждение политикам, которые всерьез обсуждают эту тему, о том, что надо иметь в виду и как надо думать о базовом доходе для того, чтобы не ухудшить положение малообеспеченных слоев, а использовать эту идею для улучшения положения наиболее уязвимых групп населения.

Слайд № 14 показывает в графическом виде, мы видим потенциал введения социального дохода в настоящее время там, где есть достаточно регрессивные системы социальной помощи, большие ренты природных ресурсов, или инновации, базовый доход там является действительно многообещающей формой изменения социальной политики. В других странах пока мы не видим практической формы реализации этого дохода, который бы не привел к существенным негативным

социальным последствиям, или не привел бы общественные ресурсы и общественные финансы к кризисному балансу.

Последний слайд № 15 ставит эту идею в контексте России. Мы очень активно работаем с российскими данными, они одни из лучших с точки зрения качества, с точки зрения охвата теми мерами, которые реально существуют по административным данным. Наверное, для российской аудитории это будет интересно.

Качественно могу сказать, что в современной системе России население сталкивается с крайне усложненной формой. Существуют буквально сотни разных форм социальной помощи, которые делают в принципе одно и то же – они платят очень маленькие деньги – десятки, сотни рублей, – используя очень сложные механизмы оценки нуждаемости, потребностей, которые есть у разных групп. В реалиях разные сотни программ бенефициары видят как единый трансферт, который попадает на банковский счет или на их карточку. И они даже не понимают, почему получают те или иные суммы. Значительная часть малоимущих людей – по оценкам Росстата 15%, по нашим оценкам гораздо больше – исключены из системы социальной поддержки. Они не понимают этой системы, у них нет необходимых документов, они не имеют доступа к ней. Что показывает, что даже такая развитая система, которая, казалось бы, открыта для всех, не обеспечивает полного охвата. Простая идея базового дохода, что я как член общества имею право на получение определенной значимой суммы, размер которой я знаю заранее, может помочь с включением этих исключенных групп.

И мы видим также, что попытки повысить адресность, улучшить адресность, перенаправить функции на бедные слои населения, пока не увенчались успехом. И проделана большая работа для понимания того, какие политические проблемы, какие политические силы были препятствием для такого ресурсного момента. Возможно, идея базового дохода позволит преодолеть этот критический тупик, который мы увидели с попытками перенаправить существующие немалые средства, которые есть у России, на помощь тем, кто действительно нуждается.

Еще наши исследования в трех регионах России – мы работаем с Министерством финансов сейчас для оценки потенциала реформирования систем соцзащиты (это Республика Коми, Ленинградская и Волгоградская области), – мы провели достаточно детальное обследование и оценку того, как население относится к разным идеям реформирования соцзащиты. Мы видим, что люди, в принципе, позитивно относятся к тому, что наша система – система, которая перераспределяет социальную помощь по заслугам, а не по нуждаемости. И мы не видим сейчас запроса для такого радикального изменения социального общественного договора. И это большая проблема, которую сторонники базового дохода должны обдумать, понять, действительно ли это потенциал изменения общественного контракта.

Если мы все-таки сосредоточим наши усилия на усилении адресности, постепенном улучшении тех мер поддержки нуждаемости, которые есть, и перераспределении ресурсов в этой области, все это окажется гораздо менее затратным, и приведет к гораздо более сильным изменениям в общественном благосостоянии, чем такое простое и, казалось бы, ясное изменение общественного договора на основе базового дохода. Это все, что я хотел сказать.

Думаю, что эта конференция позволит научной общественности дальше обсуждать очень важные вызовы политики, которая в России есть, а также покажет, что Россия – часть глобальных очень важных тектонических процессов изменения социальной политики. Спасибо всем, и желаю всем успеха и интересной дискуссии.

Лилия Овчарова: Спасибо большое, Руслан. Будем двигаться дальше.

В пленарной сессии есть два дискуссионта. Я бы хотела предоставить слово Григорию Юдину, старшему научному сотруднику Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ для реакции на выслушанные доклады.

Григорий Юдин: Спасибо. Я смотрю на эти дискуссии с позиции политической теории, которой я занимаюсь. Это довольно интересный кейс, потому что мы видим, как практически сегодня складывается консенсус в отношении безусловного базового дохода. С разных сторон люди говорят: «Да, это прекрасная идея, она наша». Выходят левые, говорят: «Давайте перераспределим». Тут выходят либертарианцы, говорят: «Перераспределять не будем. Просто государство сократим». Тут появляются популисты, как в Италии, и говорят: «Слушайте, зачем нам левые? Давайте это будет наша идея». тут же появляются левые либералы. И все согласны на безусловный базовый доход (ББД). В общем, это интересный случай.

Довольно очевидно, что в этой связи идея ББД имеет хорошую электоральную перспективу, несмотря на поражение на швейцарском референдуме. Понятно, что в ближайшее время эта тема будет возникать на такого рода голосованиях, и думаю, рано или поздно успех будет. Вопрос, видимо, только в поиске технического решения. Сейчас Руслан как раз говорил, что не очень понятно, каким конкретно это решение должно быть, но, видимо, это техническая задача, которая должна быть решена.

Я же хочу обратить внимание на другое. Если мы посмотрим, откуда сегодня по этому поводу такой консенсус, то есть ряд причин, но они сводятся к общему пониманию, что в мире растет неравенство, и слом трудовых гарантий, на которых держались европейские экономики долгое время, ставит все большее количество людей в относительно успешных экономических странах в тяжелое положение – в положение, которое мы называем прекарным. Причем эти люди относятся не к малоимущим, о которых говорили в предыдущем докладе, а к тем слоям, которые

статистически в эту категорию не попадают, но оказываются во все расширяющейся зоне риска.

Понятно, что технологии идут вперед. Кейнс обещал, что к концу предыдущего века рабочая неделя сократится до 15 часов. Технологии с того времени шли вперед гораздо более быстрыми темпами, чем он мог ожидать, а мы видим, что реальная ситуация такова, что большинство, наоборот, работает все больше и больше в условиях стирающейся или даже сломанной границы между трудом и досугом. В этих условиях возникает искушение откупиться от этих проблематичных слоев.

Я думаю, что известная работа Филиппа ван Парейса, на которую ссылался Руслан, справедливо указывает, что это искушение откупиться довольно опасно. В связи с таким отношением к безусловному базовому доходу возникают опасения, что он может исказить трудовые стимулы, лишит людей желания работать. Иными словами, возникает вопрос, насколько эта подачка на самом деле будет эффективной.

Здесь я хотел бы высказать свой основной тезис. Проблемы неравенства не сводятся к неравному распределению доходов и богатства: это вопрос значительного дисбаланса политической системы, которая сегодня явно работает в подавляющем большинстве стран мира на сравнительно небольшие группы, и лишает другие группы возможности влиять на нее, лоббировать в ней свои интересы, участвовать в ней и получать от нее реальную выгоду. Это большая проблема, которая выливается в снижение уровня политического участия, в общее недоверие к политическим системам.

Поэтому важная сторона дела состоит в том, что политические принципы введения базового дохода остаются, по большому счету, не прояснены. Важный вопрос заключается в том, на каких основаниях люди будут получать такой доход, что это вообще такое по своему смыслу. Это помощь бедным? Или это благотворительность? Именно таким образом это еще в XVI веке видел Людовикус Вивес, первым высказавший идею базового дохода. Или это то, на что каждый имеет право как гражданин, как думал Томас Пейн? Или это какая-то возможность для раскрытия индивидуальных возможностей? Или это мера смягчения рынка труда для прекариата, как Гай Стэндинг нам говорит?

Ведь от этого зависит не только агитация на выборах, на референдумах; от этого зависит сам смысл этой политики. Например, будет она усиливать государство, или же она будет усиливать гражданское общество? Позволит ли она – это ключевой вопрос – вернуть людей в общественную жизнь, в публичную, в политическую, из которой они сейчас как раз склонны уходить, ускользать в ощущении того, что системе нет до них дела, и поэтому им нужно выживать как-то в одиночку? На эти вопросы пока нет ответа.

Поэтому мне кажется, что есть большой риск, что все это превратится в стремление поставить временную заплатку на систему в условиях, когда сама тенденция к росту политического и экономического неравенства не будет изменена. В этом случае проблема, скорее всего, будет усугубляться. И задачи, которые ставятся перед базовым доходом, видимо, не будут решены. Мне кажется, это особенно актуально для России с ее радикальным уровнем политического неравенства, крайне низким политическим участием, вообще потерей интереса к политике.

Если подвести итог моей реплике, то ключевая задача сегодня состоит в том, чтобы сформулировать саму концепцию базового дохода так, чтобы, в конечном счете, увеличить социальную интеграцию, чтобы остановить рост неравенства и подготовить нас к выработке устойчивой реакции на технологические изменения труда – подготовить нас к вступлению в «будущее труда». Нам нужно вступить туда так, чтобы остаться более-менее единым обществом, в котором судьба менее привилегированных слоев является общей заботой, в которой мы не просто хотим от них откупиться или дать им какую-то подачку, чтобы они от нас отстали, но считаем важным интегрировать людей в систему и действовать вместе. От того, как мы сегодня формулируем политическую задачу базового дохода, по-видимому, зависит то, во что эта концепция превратится в дальнейшем и какие откроет возможности. Спасибо.

Лилия Овчарова: По сути, большое, Григорий.

Второй дискуссионный сегодня – Александр Львович Сафонов, проректор Академии труда и социальных отношений. Вам слово.

Александр Сафонов: Начну с того, что попробую утверждать, что тема, связанная с базовым доходом, так, как она сегодня поднята и обсуждается, отнюдь не связана с попыткой политического откупа власть имущих от существующих социальных проблем по одной простой причине: история показывает, что можно это делать более дешевыми способами.

И я бы заострил внимание на том, что в дискуссии, связанной с базовым доходом, принимают участие, в том числе и руководители крупнейших корпораций. И понятно, что хотя они склонны к гуманному взгляду в определенной степени на такие высокие вещи, как общественный договор, как проблема общества в целом, но, тем не менее, надо все-таки исходить из того, что они, прежде всего, бизнесмены, и их волнует экономическая ситуация, которая порождается сегодня. А что это такое?

Сегодня мы затронули тему рынка труда. Но ведь рынок труда – это не только проблема рабочих мест и потери рабочих мест, а это и сопряженные с этим проблемы, связанные с тем, что согласно тому же самому исследованию Международной Организации Труда рост заработных плат вышел на плато. И современные исследования в тех же самых Соединенных Штатах Америки

показывают, что очень разнообразным и серьезным является влияние так называемой автоматизации на очень широкий круг проблем, связанный с человеком, его семьей. Не только с материальным положением, но и с социальным положением.

В частности, были исследования, которые закончились два года назад в области демографии, которые показывали, что в Соединенных Штатах Америки резко вдруг стали падать темпы роста продолжительности жизни. Почему-то это коснулось успешной категории людей – это лица с университетским образованием, это персонал, который был задействован в промышленном секторе. Как правило, это лица, относящиеся к белым национальностям. Проводимые в этой области исследования, которые пытались ответить на вопрос, что происходит, показывали, что это в определенной степени повторение того опыта, который прошла Россия в начале 1990-х годов, когда возникает смертность мужского населения в силу потери ключевых жизненных мотивов: то есть это наличие рабочего места, возможность наращивать свою квалификацию, соответственно, поддерживать свои доходы.

Возвращаясь к этой теме, можно сказать следующее, что в отличие механизации, на которую сегодня ссылалась Лилия Николаевна, попытка сказать, что ничего сложного не происходит – это хороший способ не реагировать на проблему, но, тем не менее, особенность современного состояния рынка труда состоит в том, что тема автоматизации кардинальным образом мешает отношению к спросу на рабочую силу.

Во-первых, начнем с того, что проблема механизации в социальных главах капитала Маркса описана, и этот феномен Маркс описывает как формирование частичных компетенций у работников, когда работники становятся приставкой к автомашинам, станкам. Но все-таки это была приставка. Автоматизация приводит к тому, что она полностью замещает всю человеческую функцию. То есть человек не нужен в полном объеме своей компетенции, в которой раньше занимал это рабочее место.

Более того, в отличие механизации, автоматизация захватывает и смежные процессы, например, процессы логистики, чего раньше не было. Раньше была у работника была возможность в условиях механизации переходить в горизонтальные компетенции. Если он занят непосредственно на производстве, то мог уйти в логистику, в обслуживание. Сейчас все это подрывается возможностью создания, или созданием искусственного интеллекта. Ведь проблема не только в механических роботах, которые оказывают влияние на промышленный сектор. Те же исследования американцев показывают, что с 1990 года по 2017 год условные чистые потери рабочих мест в Соединенных Штатах Америки в результате роботизации составляют от 370 тысяч до 600 тысяч рабочих мест. Причем эффект от этого, переход людей, которые высвобождаются в данных секторах, но не в смежные сектора, а в совершенно другой вид занятости, где не требуются уже

такого рода квалификации, с одной стороны. С другой стороны, доходы этих людей становятся значительно меньше.

Когда пытались связать эти процессы с демографией, почему растут суициды, алкоголизм среди ранее успешных категорий граждан, ответ, к сожалению, был один и тот же: потеря дохода, потеря рабочего места, необходимость падать по социальным ступеням вниз. Два сектора, в который сейчас берут в основном рабочую силу – это сектор домашних услуг, так называемый сектор гостеприимства, и сектор торговли. И сейчас туда направляются процессы автоматизации, что из этого надо сделать для понимания уникальности ситуации рынка труда.

Первое. Автоматизация заменяет работника в целом. Соответственно, надо думать, что если мы не создаем новых рабочих мест, а пока темпы экономического роста, которые демонстрирует мировая экономика в целом, и отдельные страны, не позволяют создать компенсаторный механизм, который был в условиях революции, потребления в послевоенный период 1950-е годы. Во-вторых, необходимо ответить на проблемы, связанные с трансформацией профессии, и в результате быстрой смены потребностей, компетенции, поэтому возникает гонка за образованием. И все время мы слышим от работодателей, что не хватает профессиональных кадров. То есть не дефицит кадров в физическом смысле слова, а именно в образовательном. И тут возникает серьезная проблема: способен ли когнитивно человек с такой скоростью осваивать новые знания, с тем, чтобы перемещаться не по горизонтали, а фактически перепрыгивать из отрасли в отрасль, то есть выходить за пределы своих первоначальных компетенций? Ответа на сегодняшний день по этому вопросу нет.

Вернусь к болезненной теме, связанной с повышением пенсионного возраста. Как показывает практика, не удалось ни одной стране решить проблему для лиц предпенсионного возраста с точки зрения их эффективной занятости. Нет таких ответов на сегодняшний день.

Сейчас на рынке труда происходит серьезная сегментация. Если раньше мы видели массовые профессии, которые вмещали в себя несколько миллионов человек, которые предполагали, что человек, получив эту базовую компетенцию, останется в ней на долгие годы, и на основании этого выстраивалась вся система социальной защиты, которая предполагала, что человек, получивший компетенцию, например, рабочего, проработает все необходимые 30 лет на одном предприятии, или на другом, и, соответственно, будет постоянным плательщиком в систему социального страхования, как по безработице, по пенсионному обеспечению, так и по временной нетрудоспособности, то сейчас мы с вами видим, что это не получается, что в результате развития новых форм занятости, в том числе и в рамках так называемой «платформенной занятости» люди входят, выходят из занятости, появляются большие лакуны, когда нет трудового стажа. Это приводит к тому, что ни в обязательной системе социального страхования невозможно создать баланса

пенсионного обеспечения в массовом порядке. То есть происходит своеобразная концентрация этих стандартных систем социального обеспечения только для узкой группы работников. Поэтому дискуссия сейчас начинается не в простом контексте: если мы понимаем, что в государственной системе пенсионного обеспечения мы не в состоянии в силу низких заработных плат, невозможности набрать необходимый стаж, сформировать людям условия получения нормальной пенсии, соответственно, надо думать и в этом направлении, что делать.

Естественно, базовый доход в этом смысле начинает распространяться не только на работающих граждан, но и на неработающих граждан.

Следующий момент. Надо понимать, что мы, попадая в эту ситуацию сложностей с занятостью, полноценной занятостью, полноценными доходами, ставим под сомнение возможность реализации очень многих социальных проектов. Очень активно мы начали предварительную дискуссию по поводу демократического проекта с Лилией Николаевной. Много новаций прозвучало в этой области.

Возникает вопрос: в этой ситуации экономической нестабильности как семьи будут строить свои демографические планы? Понятно, что говорить о том, что будет сохраняться попытка продолжать свой род так, как это было принято еще лет 10-15 назад – это неправда. Соответственно, мы видим очень большое влияние рынка труда, его сегментации, уровня нестабильности на нежелание формировать семью. На то, что стандартным поведением будет один ребенок. Соответственно, достаточно много проблем, которые надо решать. И пока более эффективного метода как базовый доход я на сегодняшний день не вижу.

Есть проблемы, и не надо их скрывать, но это проблемы не базового дохода, а всей социальной защиты вообще: это конфликт между возможностью получать без усилий welfare (социальные пособия), и необходимость трудиться. Поэтому это не проблема базового дохода. Вопрос только в том, что эта проблема может стать более глобальной.

Сейчас все системы социальной защиты пытаются решить эту проблему. Известны системы, что для получения пособия нужно сделать первый шаг к занятости, и т. д., и т. п. Но подчеркну, что эту тему сбрасывать со счетов нельзя, она требует дискуссии.

Еще момент, на который хотел обратить внимание. Возьмем, к примеру, опыт Индии – это попытка разрешить проблему, которая у нас тоже дискутируется, – огромного накопленного эффекта неуправляемости системы социальных пособий, которая принималась в очень длительной исторической перспективе, с попыткой ответить тактически на какие-то сиюминутные проблемы. Либо это политический торг был в определенной степени с теми или иными категориями, как это было в эпоху приватизации, когда принимали огромное количество программ, которые потом оказались не обеспечены экономическими возможностями государства. С другой стороны, это те обещания, которые формируются в рамках политических сезонов,

либо до, либо после выборов. Мы с этим постоянно сталкиваемся. И в этом смысле очень важно понять, что любое нововведение – это дополнительные административные расходы. Соответственно, если мы видим, что в перспективе это неравенство в силу изменяющейся природы рынка труда, модели экономического роста будут только расти, соответственно, базовый доход – это очень сильный ответ на сокращение административных расходов, связанных с применением всех тех методик, которые мы сегодня используем, экономя государственные средства, на тех же чиновников, которые этим занимаются.

В Индии в некоторых штатах была предпринята попытка ликвидировать проблему коррупции при получении отдельных пособий. В качестве классического примера приведу пособие на оплату электричества для кондиционеров. Для нас это уникальное пособие, а для них понятное: страна жаркая. Но, как правило, получают люди богатые, которые могут заплатить чиновнику, и он правильную справку напишет. Поэтому и эту проблему нельзя сбрасывать со счетов, что появление этого безусловного базового дохода делает невозможным применение этих методик обогащения и формирования параллельной экономики.

Поэтому базовый доход, безусловно, надо рассматривать как действительно очень важный этап развития социальной политики, глобальной социальной политики, которая позволяет ответить и на вопросы, связанные с рынком труда, и на проблемы бедности, и на демографические аспекты, и в том числе на сохранение психического здоровья человека. То есть нельзя допускать ситуации, которая была вначале 1990-х годов, когда большинство наших граждан, оказавшихся в безысходности, не имели возможности найти работу, то есть поломалась модель, когда в семье мужчина – успешный рабочий, успешный инженер, он кормилец. Вдруг в один момент стала не нужна его квалификация, он не может себя найти. И сверхсмертность до 500 тысяч человек в год. Это наша огромная потеря. Когда люди кончали жизнь самоубийством через алкоголизм, наркоманию и так далее. И эти отголоски 1990-х годов, а не только отголоски войны, мы будем достаточно долго расхлебывать.

Подчеркну, проявление тех же проблем в Соединенных Штатах Америки заставляет нас с вами об этом очень серьезно думать.

Последний пример, связанный с этим аспектом. Когда мы проводили работу с Европейской ассоциацией в области охраны труда, было интересное исследование, что потеря занятости на 1% приводит к росту алкоголизма на 30%. Это данные успешной Европы. Я это говорю к тому, что мы должны понимать, что боязнь человека остаться без средств к существованию, в конечном итоге, имеет значительно более широкий комплекс социальных, экономических последствий. Поэтому к этому надо относиться не как к отдельной социальной проблеме, а видеть, что это системный ответ на совокупность проблем. Я призываю всех коллег рассматривать этот элемент как стратегическую платформу будущего построения

системы социальной защиты, которая бы комплексно отвечала на многие вопросы, которые формирует современный мир. Спасибо.

Лилия Овчарова: Спасибо большое, Александр Львович. У нас есть пять минут для вопросов и коротких комментариев. Потом у нас будет перерыв на кофе, где можно в более кулуарном режиме пообщаться.

Есть вопросы?

Валентин Роик: Институт труда, Роик Валентин Дементьевич. Мне бы хотелось поблагодарить Евгения Шлёмовича за то, что он ввел в предмет обсуждения вопроса «Базового дохода», который в данном случае важно рассматривать с точки зрения экономических возможностей для применения. Важно отметить, прежде всего, неготовность институциональной и экономической базы. Большинство финансовых механизмов и институтов в России находятся в транзитном, переходном состоянии. Это касается как состояния экономики и социальной сферы в целом, так и отдельных институтов социального обеспечения и социального страхования. В то же время на состояние социальной защиты населения влияют новые вызовы в области занятости, старения населения, которые оказывают неблагоприятное влияние на доходы бюджетов всех уровней. В итоге мы не вышли на минимальные рубежи социальной составляющей бюджета, размер совокупных расходов которых в России все еще не достиг минимальной планки в 20% ВВП, как это было предусмотрено для развивающихся стран в решениях Копенгагенской конференции на высшем уровне 1994 года. Тогда представители России объявили о том, что у нас в совокупном бюджете на социальные расходы тратится 16,5% ВВП. Сейчас в России на эти цели тратится порядка 18,5% ВВП.

Данная цифра весьма показательна, потому что в данном случае это демонстрирует степень зрелости как эффективности перераспределительных механизмов, которые у нас очень слабы, так и степень готовности страны использовать механизмы базового дохода с точки зрения возможностей экономики.

Во многом это связано с низким уровнем государственного и договорного регулирования заработной платы. Показателем, который активно используют экономически развитые страны, является соотношение минимальной заработной платы к средней ее величине. МРОТ должен обеспечивать прожиточный минимум не только работника и его несовершеннолетних членов семьи, быть на уровне 40-50% от средней заработной платы. То есть его требуется увеличивать в 2 раза.

Что вызывает особую обеспокоенность: у нас в стране на протяжении 70 лет укоренялась идея бесплатности социальной защиты для населения, основывающаяся на принципе алиментарности. Этот принцип воплотился не только в советских механизмах социального обеспечения, но и стал значимой установкой менталитета нашего населения. А поэтому базовый доход из этого разряда. Кроме того, предлагаемый проект по внедрению базового дохода представляется

достаточно утопичным. Если и применять данную концепцию, то только для групп населения, находящихся в состоянии длительной объективно-обусловленной безработицы.

Лилия Овчарова: Спасибо большое. Коллеги,

Людмила Ржаницына: Идет ли речь о том, чтобы ввести единое социальные пособие вместо пособия по безработице и всех остальных? По-моему, вопрос об этом. Одно дело – рассуждать о совсем новой категории, когда люди получают социальную выплату, обеспечиваются за счет собственного труда. А другое дело – простой вопрос: будет ли это единое социальное пособие? Если нет, они предлагают его ввести? Это будет экономия бюджета, упрощение административных расходов, и так далее.

Лилия Овчарова: Спасибо. Действительно, пока мы обсуждаем, решения пока нет.

Как специалист по уровню жизни, я не должна забывать о том, что нужно сделать перерыв, выпить кофе. Поэтому дискуссия продолжается в рамках кофе-брейка.

Панель I: Базовый доход: опыт практического внедрения

Лилия Овчарова: Я бы хотела передать слово следующему модератору Пееру Тешендорфу, руководителю филиала «Немецкого фонда Эберта» в Российской Федерации.

Пеер Тешендорф: Спасибо огромное. Если бы вы были специалистом по благоустройству, то я, немец, специалист по порядку, и мне придется очень четко и аккуратно вести эту сессию. Поэтому я перехожу на английский язык.

Следующий спикер будет также выступать по-английски. Наша следующая сессия рассматривает конкретные примеры экспериментов, проведенных в Европе, или дискуссий, проведенных по поводу конкретных проектов или предложений.

Мне очень приятно, что у нас есть наш гость из Финляндии Миска Симанайнен, работающий в Институте социального страхования (это государственное ведомство), который занимается безопасностью доходов и исследованиями в этой области. Сейчас он расскажет о финском эксперименте.

Кроме того, с нами профессор Джулиано Боноли из Университета Лозанны в Швейцарии. Он нам расскажет о неудачном (хотя это зависит от точки зрения) швейцарском референдуме по вопросу базового дохода.

Миска Симанайнен: Спасибо. Прежде всего, добрый день, дамы и господа, друзья и коллеги! Большое спасибо за приглашение выступить и принять участие в этой очень интересной конференции по базовому доходу. Благодарю предыдущих выступавших за их очень интересные выступления и комментарии.

Здесь я выступаю в качестве исследователя.

Коротко опишу вам финский эксперимент с базовым доходом, который начался в конце 2017 года, продолжается до сих пор и закончится в ближайшие два месяца.

Я лично участвовал в выработке рекомендаций Правительства по тестированию базового дохода, и мой институт реализовывал этот эксперимент в Финляндии. Кроме того, мы будем участвовать в проекте оценки по окончании эксперимента, однако этот эксперимент – политический проект, инициированный Правительством, регулируемый законом, который был принят парламентом Финляндии, так что, в принципе, это результат политического процесса. Исследователи в данном случае выполняют роль скорее консультантов для правительства и для анализа результатов.

В качестве фоновой информации. В Финляндии мы уже давно обсуждали – еще в 1980-е годы – концепцию базового дохода. В 1980-е годы дискуссии стали более интенсивными. И цель этой политики или этой системы налоговых льгот или выплат менялась со временем. В последние годы, лучше сказать в последние десятилетия дискуссии в основном крутились вокруг занятости. Последствия для занятости от

этой политики. Это вполне естественно, если вы примете в расчет, что дискуссия о социальной политике в Финляндии в целом касалась именно вопросов занятости в последнее время, в последние годы. В Финляндии существует широкий консенсус, что социальная политика, социальное обеспечение и система налогов и выплат должна быть реформирована. Стимулы братья за работу, работать, считаются важными для реформирования этой системы. Это я хотел сказать в качестве фоновой информации для того, чтобы вы лучше поняли контекст этого эксперимента.

В течение нескольких лет политические партии Финляндии предлагали различные разработанные схемы базового дохода. Эти модели можно называть моделями частичного базового дохода, где заменяются некоторые виды пособий. Но в основном система выплаты пособий при этом остается.

Обычно считается, что базовый доход заменяет основные или какие-то минимальные пособия для трудоспособного населения. Здесь также очень важно подчеркнуть, что у нас уже есть базовый доход в виде выплаты пособий, которые выплачиваются на безусловной основе для каждого ребенка, например. У нас есть система гарантированных пенсий, система выплаты пособий для лиц, достигших определенного возраста, есть система выплат студентам, гранты и так далее. То есть, когда мы думаем о реформировании финской системы в направлении базового дохода, мы необязательно говорим о каких-то радикальных изменениях, как может быть, например, в случае с Россией.

Я уже говорил, что обсуждение вопросов базовых доходов входит в круг вопросов, которые оказывают влияние на занятость населения. Конечно же, есть и другие цели, связанные с политикой, но участники дискуссии, которые предлагают базовый доход, говорят, что это может иметь позитивное влияние на уровень занятости.

Партии представили свои модели. Мы их проанализировали. У нас проводилось различное моделирование, мы тестировали влияние, которое они будут оказывать на политику, но вопрос заключается в изменении модели поведения. Пока у нас нет четких ответов на этот вопрос.

Наше нынешнее правительство – это правительство, которое инициировало проект. Основная цель инициативы заключалась в том, чтобы выяснить степень влияния, которую может оказывать базовый доход на индивидуальное поведение людей на рынке труда и на уровень занятости. И такой сценарий, такой подход – это один из подходов в решении этого вопроса. Однако также очень важно попытаться понять, с какими издержками связано введение этой системы, и как люди будут менять свои модели поведения на рынке труда.

Основные адвокаты этой системы, которые говорили о возможном влиянии на занятость, утверждали, что это может быть рационализировано при помощи различных механизмов, причем центральный механизм относится непосредственно

к системе мотивации труда. Говорится, что базовый доход улучшит, во-первых, ситуацию с безработицей, создаст для безработных дополнительную мотивацию. Но это довольно проблематичный аргумент, потому что в моделях, которые мы тестировали, мы увидели, что базовый доход необязательно усиливает мотивацию к труду. Мы старались понять, заставит ли это улучшить условия выплаты пособий и заработной платы широкому кругу работников. Мы могли бы повысить эту мотивацию другими способами. Например, сокращая уровень подоходного налога. Тем не менее, это часто упоминается, когда мы говорим об этом в контексте Финляндии.

Могут быть более интересные вопросы, которые относятся к концепции, которую мы называем бюрократическими ловушками. При этом под бюрократическими ловушками мы подразумеваем ситуации, когда отдельные люди не готовы работать, потому что они потеряют те пособия, которые они могли бы получать, если у них вообще нет никакого дохода. Это относится, например, к некоторым временным ограничениям, временным интервалам при выплате таких пособий.

При реализации таких пособий нужно поднимать вопрос о том, чтобы убрать эти временные лаги, чтобы пособия могли выплачиваться на регулярной основе без каких-либо предварительных условий и без каких-либо отсрочек. Поэтому здесь вопрос заключается в том, насколько действительно важным будет это влияние в целом на рынок занятости.

Есть и другие результаты, которые может иметь такая политика, в отношении образования в этой области, как поощрять индивидуумов, предпринимать какие-то усилия в плане самообразования, повышения своего уровня, и чтобы они могли лучше вписаться в рынок труда, чтобы занять лучшую позицию на рынке труда через сколько-то лет. Но это долгосрочные эффекты, которые мы исследуем, и которые необходимо анализировать для того, чтобы посмотреть качество ситуации на рынке труда.

В своем докладе я перечисляю лишь некоторые механизмы, и они не являются всеобъемлющими. Я выделяю только наиболее важные последствия, которые может иметь такая политика.

С другой стороны, эта политика может иметь и негативные последствия, в том числе для рынка труда, для занятости. Скажем, в рамках действующей в Финляндии системы пособий по безработице есть разные механизмы санкций, применяемых к безработным. Например, если человек отказывается от какой-то работы, которая ему предлагается, то он может временно потерять право получать такое пособие. Если верить в то, что это имеет положительное влияние на занятость, тогда базовый доход может иметь негативные последствия. Поэтому в данном случае надо рассматривать негативные моменты.

Давайте посмотрим на сам эксперимент, который мы проводили. Я уже говорил, что правительство, которое начало вводить эту систему в 2015 году – это правительство, которое сейчас находится у власти, – была государственная правительственная программа, подразумевающая, что этот эксперимент будет проводиться в течение срока полномочий данного правительства. Соответственно, исследовательской группой были подготовлены определенные рекомендации для эксперимента, для того, чтобы можно было иметь надежные данные, чтобы оценивать поведение населения. Эксперимент был начат достаточно быстро. Уже в марте 2016 года был подготовлен предварительный отчет, и у нас было несколько месяцев для того, чтобы подготовиться к запуску эксперимента и провести этот закон через парламент. В общем, был плотный график, и, тем не менее, были некоторые ограничения в эксперименте.

Стоит упомянуть рекомендации, которые исследовательская группа выработала для правительства. Прежде всего, были проведены рандомизированные выборочные контролируемые тесты с базовым доходом, то есть были определенные выделенные группы, которые получали базовый доход. Несколько групп, которые жили в разных условиях с разными уровнями базового дохода и с разными уровнями налогообложения, налоговых ставок. Дальше говорилось, что участие в эксперименте будет обязательным для всех выбранных групп. Эти рекомендации принимались во внимание во время эксперимента, и сейчас я бы хотел осветить несколько деталей этого эксперимента.

Целевая группа состояла из безработных от 25 до 58 лет, и среди них был проведен случайный отбор 2000 человек, причем их участие носило обязательный характер.

Другими словами, у нас была ограниченная группа в эксперименте, и поэтому сложно было обобщить результаты за пределами данной группы.

Второй момент, который я хотел бы отметить: эксперимент проводится в течение двух лет, и поэтому может возникнуть некоторый скепсис в отношении тех измерений, которые мы наблюдаем в связи с длительностью эксперимента.

Модель базового дохода следующая. Индивид получает 560 евро в месяц без всяких условий, без каких-либо особых требований, работает ли он, должен ли пойти на работу или нет. Его размер соответствует минимальному пособию по безработице. Здесь никаких изменений в этом плане не подразумевалось. Никаких изменений не было внесено в график выплаты налогов. То есть мы, когда вводили эту систему, думали о том, что это может повлечь изменение в системе финансирования, но в данном эксперименте не подразумевались изменения в налоговой системе, что привело к достаточно высокой мотивации в этой группе.

Теперь я бы хотел проиллюстрировать разницу между различными индивидуумами. Вы видите здесь график. По горизонтальной оси вы видите доход в евро в месяц на работающих. По вертикальной оси находится располагаемый реальный доход для

людей, которые получают пособие и платят налоги. Здесь показана действующая модель. Из этого графика мы видим, что нет изменений в располагаемом доходе на индивидуума в системе введения базового дохода. Но если рассчитывать в соответствии с ежемесячным заработком, мы тестировали различные условия, и если убрать пособия по безработице, то повышается мотивация согласиться и начать какую-то работу.

Интересно, что такие мотивации и стимулы к тому, чтобы работать, рассматривались нами по одной конкретной группе, то есть интерпретация данных была достаточно сложной в этой группе.

Наконец, на данном слайде вы видите официальный план оценки. Правительство приняло решение провести первую официальную оценку, за которой последуют другие исследования в университете и других исследовательских учреждениях. И официальный план по оценке эксперимента, и какое влияние это оказывает на уровень занятости. Соответственно, анализировалась информация по реестру.

Также анализировался его влияние на политику введения базового дохода. И также анализировалось по сравнению с общим реестром занятых и безработных.

Проводились интернет-обследования, метод сбора данных, где мы собирали информацию относительно ощущений, восприятия индивидуумами выплаты дохода, как это отражается на их здоровье. Это не являлось основной целью эксперимента, но мы считаем, что это тоже важный момент, который необходимо было проанализировать в данном случае.

Результаты будут опубликованы в начале следующего года. Первые результаты будут касаться первого года эксперимента. В 2020 году будет окончательный отчет по всему эксперименту. Если кого-то интересует эта тема, то можете с нами связаться. Итоговый материал по результатам эксперимента будет переведен на английский язык.

Пеер Тешендорф: Спасибо, за очень интересный доклад. У нас пока нет результатов, но подход к эксперименту, к тестированию очень интересный. Нам было интересно посмотреть, как строились эти модели. Мы с нетерпением будем ждать ваших результатов, и, может быть, через 1-2 года стоит вернуться к обсуждению.

Давайте послушаем второго выступающего, а затем у нас останется время для вопросов.

В Швейцарии другой подход, другой контекст. В Швейцарии есть закон, который предоставляет возможность жителям непосредственно влиять на законодательную инициативу. В Швейцарии проводилось обсуждение базового дохода, состоялся референдум на эту тему. Господин Боноли расскажет нам об этом эксперименте.

Джулиано Боноли: Спасибо большое за приглашение! Покажу вам несколько графиков, чтобы вам было проще представить себе то, что мы делали, как работали.

5 июня 2016 года в Швейцарии проводился референдум, где швейцарскому населению был задан вопрос о введении базового дохода. В голосовании приняло участие 46,9% населения. Это не очень высокие показатели: мы в Швейцарии часто проводим различные референдумы, так что это нормальная практика для нашей страны. 76,9% проголосовавших отвергло это предложение. Надо сказать, что ранее были уже дебаты по базовому доходу, и многие популисты, политики выступали с этим предложением. Затем мы попытались понять, почему в Швейцарии нам не удалось привлечь большинство.

Как проходило голосование? Решение о проведении голосования было принято не правительством. В Швейцарии есть система, так называемые элементы прямой демократии, по которой граждане имеют право выдвигать предложения на референдум, при условии, если они смогут представить 100 000 подписей правомочных членов населения. В данном случае, если такое предложение получает поддержку, то это отражается в Конституции, и таким образом строится наше законодательство. Поэтому этот инструмент достаточно часто используется различными политическими группами, лоббистскими группами, профсоюзы, для того, чтобы выдвинуть какие-либо вопросы, поставить их на повестку дня. Это существует с самого момента образования современного государства Швейцария, фактически с 1860 года. И очень часто действительно собиралось 100 000 подписей.

Сейчас гораздо проще собрать 100 000 подписей. Мы часто голосуем, по 4 раза в год на референдумах. И на следующей неделе у нас еще целая серия референдумов, где мы должны голосовать. На одном из них мы будем решать, позволять ли фермерам обрезать рога у коров, или нет. Темы, которые выносятся на народный суд, могут быть совершенно разнообразными. Но, что здесь важно, что это все происходит всерьез.

Если референдум состоялся, и результаты успешные, то затем происходят реальные изменения. Но иногда референдумы кончаются отрицательно, появляются какие-то визионерские идеи, которые не добиваются успеха, но это все равно полезно, потому что позволяет маргинальным группам выносить свои вопросы в центр общественного внимания, и все начинают об этом говорить.

С понятием «базовый доход» произошло то же самое. Люди в Швейцарии знают, что такое базовый доход, они до сих пор иногда это обсуждают, и это произошло благодаря референдуму, который был организован швейцарским отделением СТБН (сеть, которая существует во многих странах, и в России, по-моему, тоже, которая как раз отстаивает идею базового дохода).

Статья о базовом доходе была бы внесена в швейцарскую конституцию, если бы референдум окончился победой его сторонников. Предлагаемая формулировка была довольно расплывчатой: «Федеральное правительство обеспечивает внедрение безусловного базового дохода. Этот базовый доход должен гарантировать всему населению достойный уровень жизни, и позволить участие в

общественной жизни». Дальше вопросы, к кому это относится: граждане или иностранцы с правом жительства, или другие. Этот момент здесь не уточняется. Также не уточняются его размеры. Это было бы определено и уточнено законом. Третий пункт – то, что государство определит способы финансирования и сумму базового дохода. Именно об этом мы голосовали.

Хотя цифр в вопросе не было, сторонники идеи действительно предложили некоторые документы с цифрами.

О цифрах. Если бы сторонники введения базового дохода выиграли бы референдум, правительство не обязано было бы соблюдать эти цифры, потому что это не было включено в основной опрос, а фигурировало в дополнительном документе.

Речь идет о ежемесячной выплате в швейцарских франках и в евро, которая составляет 2 170 евро в месяц для взрослого человека. Это довольно много даже для Швейцарии. Многие критиковали организаторов, говоря: «Вы спятили. У вас идеи-то умалишенные, а вы еще и такие высокие цифры пишете. Вы никак не сможете победить на референдуме». Но это то, о чем говорили все. Внизу цифра для ребенка. Группа собирала подписи, показывая именно эти цифры.

Может быть кто-то из вас, из тех, кто интересуется базовым доходом, знает бельгийского философа Филиппа Ван Парейса. Он не участвовал в дебатах, но его много раз приглашали в Швейцарию, и он сказал, что эти цифры слишком высоки. Хотя он выступает за социальное вспомоществование, но в размере, не превышающем половины указанной выше суммы. Тем не менее, это те цифры, которые фигурировали в этих документах.

И потом федеральное правительство оценило, сколько будет стоить этот проект. Общая стоимость программы порядка 200 миллиардов швейцарских франков, то есть примерно 33% нашего ВВП.

Далее очень грубо был подготовлен бюджет. Экономия на существующих социальных программах составила 55 миллиардов швейцарских франков. Дальше самая большая часть поступила бы от дохода от работы. То есть было принято допущение, что доход от заработной платы выше, чем то, на что они имели бы право по базовому доходу. То есть, другими словами, если они бы стали платить доход, равный базовому доходу, осталось бы все то же самое. В общем, все это было основано на очень сильных допущениях, что поведение людей на рынке труда не изменится даже после введения базового дохода. Как мы говорили сегодня, на самом деле никто не знает, что произойдет с рынком труда в случае принятия базового дохода. Это допущение, которое никем никогда не было и не могло быть проверено.

Дальше вопросы финансирования – 25 миллиардов швейцарских франков, это НДС 8%. В Швейцарии довольно низкий НДС, он составляет 8%. То есть было бы 16%.

Вот такие расчеты. Надо было бы повышать НДС до 16%. Не такая уж большая жертва вроде бы. Но все основано на предположении, что все будут вести себя на рынке труда точно так же, как до сих пор.

Дальше начались дебаты. Я вам говорил, что мы голосуем на референдумах очень часто, и внимание общественности к политике не всегда высокое, но в данном случае состоялись очень качественные дискуссии в течение нескольких месяцев по всей стране. Там обсуждались темы, которые мы обсуждали сегодня утром: необходимость переосмыслить систему социального обеспечения из-за изменения меры труда, цифровизации, роботизации и так далее, желание упростить сложные системы соцобеспечения, которые никто толком не может понять. И те, кто выступали за эту идею, говорили о новой социальной революции, об изменении общества. Это были люди-визионеры, которые считали, что это возможно. С другой стороны, были люди, которые были против этих идей, которые говорили, что это стигматизация лени, это поощрит людей меньше работать, подорвет трудовую дисциплину и так далее. Вот темы, которые поднимались в ходе дебатов.

Вот две фотографии. Кампания очень широко освещалась в прессе, многие СМИ об этом говорили.

Первое, что вы видите, – это сторонники базового дохода, которые организовали высыпание денег из самосвала. Вот основное здание Правительства в Берне. Это монетки по 5 центов. Кажется, что это бешеные деньги, а на самом деле не очень много, потому что это мелкие монеты – пятицентовики. Они вывалили эту кучу, чтобы привлечь внимание СМИ. Привлекли.

А это фотография, которую мы видели чаще всего со стороны оппонентов этой идеи. Тут показан человек, который пьет пиво, курит сигареты с короной на голове. Царь лентяев, так его прозвали. Это лишь некоторые из многих изображений. Мы таких изображений видели очень много. Дебаты были гораздо масштабнее, чем обычно бывает на таких референдумах.

Каждый раз перед тем, как проводится референдум, граждане получают рекомендации по голосованию от разных организаций. Федеральное правительство всегда в оппозиции. Это было известно. Федеральный парламент – также был против. Вот результаты политических партий. Да, мало. Тут самые важные политические участники. Партия зеленых – единственная партия, которая открыто выступала «за», а все остальные были против. Кроме того, были мелкие группы, которые выступали за базовый доход, а на этом слайде перечислены самые главные, которые могли оказать влияние на мнение избирателей. Внизу это федерация работодателей, и последнее – профсоюзы. При такой начальной ситуации невозможно, чтобы предложение было поддержано на референдуме. Можно получить «да», если голоса от этих сторон делятся пополам. Но не в такой ситуации.

Вот результаты. Перед вами карта Швейцарии. Надеюсь, вы знакомы с формой нашей страны. Она разделена на много кантонов. Вы знаете, что мы многоязычная страна. Восток страны – это немецкоязычное население, это здесь живут франкоязычные гарждане, а тут итальяноязычные, откуда я родом.

Цвета показывают вам интенсивность голосования. В немецкоязычной части «нет» было самым решительным. В сельских кантонах, в горах люди были резко против. А тут выделены кантоны, где «да» получило чуть больше голосов, чем в среднем по стране.

Это город Базель, 36% «да». Юра и Женева. Базель и Юра – это немецкий язык, Женева – французский. Это, как правило, были прогрессивные кантоны в области социальной политики. Например, они были против повышения возраста выхода на пенсию, они хотели усиления социальной политики, и так далее. Но нигде, тем не менее, ни в одном кантоне «да» не преобладало, то есть ни в одном кантоне сторонники не выиграли.

Можно узнать чуть подробнее, кто как голосовал, потому что после каждого подобного референдума проводятся послереферендумные обследования. Через неделю после референдума людей спрашивают: как вы голосовали в прошлое воскресенье? И задают прочие вопросы относительно их политических мнений, мотивации и так далее.

Здесь важно, наверное, отметить, что бывают всяческие смещения, потому что есть люди, которые соглашаются голосовать, потом они соглашаются ответить на вопросы, потом они отказываются. Поэтому результаты голосования после обследования после голосования не всегда совпадают. 23% набрало «да» на референдуме, а на опросе – 26,6%. По крайней мере это подтверждает, что данные референдума были достаточно надежными. Ошибка была, какая-то всегда есть, но небольшая.

Еще интересно, что можно увидеть из данных – какие факторы определили «за» или «против». Сперва мы решили взглянуть на размер дохода. Вдруг это важный фактор. Потому что богатым бы пришлось оплачивать, а бедные выиграли от базового дохода. Из этого графика видно, что никакого влияния на ответ, на результат голосования размер дохода не оказал.

Мы можем показать еще один мультивариативный анализ. У нас есть данные, в которых прослеживается кое-какое влияние, но очень слабое. То есть уровень дохода не оказал влияния на результаты референдума.

Какие другие факторы? Скорее всего, идеологические. Люди считали, что это хорошая идея, или считали, что это плохая идея.

По партийной принадлежности и партийной симпатии самый большой разброс. Дело в идеологии, и в гораздо меньшей степени зависело от материальных интересов. Политические партии, которые были против: социалисты, христианские

демократы, либеральные и популисты. Но зеленые – единственная партия, которая официально выпустила рекомендацию голосовать «за», и за ними последовало большинство сторонников зеленой партии. Меньше всего прислушались к социалистической партии, они были против, но многие, тем не менее, проголосовали «за». 50% не достигли, но больше чем в среднем проголосовали. Наверное, потому что Швейцарская социалистическая партия, как многие другие социалистические и социал-демократические партии, имеют, как часто бывает, два крыла: одно – это профсоюзы, а они были резко против. Для профсоюзов работа – очень важная вещь. Они очень ценят и уважают. А во втором крыле, в так называемом новом либертарианском крыле, было гораздо больше тех, кто был «за».

Теперь посмотрим по возрасту. Этот фактор имел сильное значение. Этот график показывает, что те, у кого уже есть доступ к базовому доходу – пенсионеры, – были в основном против. Среди молодых было больше тех, кто был «за».

Это мультивариативная модель, которая фактически говорит о том же самом. Тут нет никакого другого вывода. Можно играть с контрольными переменными, но все равно можно выявить очень слабый эффект влияния уровня дохода. Он очень слабый и линейный. Поэтому мало что можно узнать из этого с помощью этой модели.

И последнее. Во время обследования задавались разные вопросы о базовом доходе, и один из них, который был весьма показательным, касался того, чего люди боятся, опасаются – дело касалось, прежде всего, стимула к работе. Большинство людей согласилось, что базовый доход подорвет все стимулы работать.

Какие выводы можем сделать из швейцарского опыта? Мне кажется, существуют огромные проблемы с политической приемлемостью этой идеи. Вопрос, почему эта идея была так решительно отвергнута в то время, когда эта идея популярная, популистская, и многие использовали ее для выигрыша в выборах. На пример, в Италии, где эту идею выдвинула популистская партия, у которой не было шансов выиграть в одиночку. Иногда популисты продают мечты, а здесь это все было всерьез, потому что если бы избиратели отдали бы за нее свои голоса, то это превратилось бы в реальность, и всем пришлось бы иметь с этим дело.

Трудовые ценности тоже оказались сильной защитой от этой идеи. Ими воспользовались противники этой идеи. Фотография с царем лентяев – это был один из самых главных эффективных доводов со стороны противников. Они противопоставляли трудовые ценности, говорили, что базовый доход подорвет их.

Названные цифры были слишком важные – это тоже важный вывод. Можно сказать, что, если и есть какой-то способ реализовать базовый доход, думаю, что эта дорога должна начинаться с гораздо более скромных запросов.

С этим невозможно экспериментировать. В эксперименте нельзя воспроизвести все. Поэтому все это придется начинать с очень низкого уровня, а может быть, потом уже стараться его увеличить. Швейцарский опыт показывает, что попытка начать сразу по-крупному, обеспечивая очень достойный или даже более чем достойный уровень жизни, оказалась политически нежизнеспособной.

Спасибо за внимание.

Пеер Тешендорф: Спасибо за информацию из Швейцарии. По-моему, это очень точно описывает, как трудно вести дискуссии, как быстро возникают вопросы конкретных цифр, как быстро возникает тема трудовых ценностей как центральных ценностей. Это трудно объяснить тому, кто платит деньги, тому, кто может ничего не делать. Это вызывает сразу волну эмоций. И здесь очень важен вопрос пороговой величины, с чего начинать.

У нас есть один дискуссионщик Владимир Трубин из Аналитического центра при Правительстве России. Вам слово.

Владимир Трубин: Спасибо за приглашение на конференцию. Вопрос действительно интересный. По мере подготовки материала к конференции я понял, что вопрос, который стоит в конце наименования темы конференции, он вполне оправдан, потому что чем больше погружался в содержание базового дохода, тем больше понимал, что это нерешенная проблема.

Достаточно сказать, что на сегодняшний день нет ни одной страны в мире, где базовый доход был бы реализован в национальных масштабах. Было два эксперимента: в Монголии в 2011-2012 году, и в Ираке, где эти эксперименты проводились на национальном уровне, но были отменены по причине дороговизны и отсутствия бюджетных средств на их реализацию.

На сегодняшний день мы видим, что в двух государствах реально идут эксперименты: Финляндия и Канада. Это эксперименты, которые идут на государственном уровне. В Финляндии они проводятся среди безработного населения, в Канаде в провинции Онтарио проводятся среди малоимущего населения. В Швейцарии и в целом ряде других государств планируются локальные эксперименты, в том числе в Швейцарии в деревне Рейнау предполагается начать такой эксперимент. Такие эксперименты планируется проводить в Кении, в Соединенных Штатах в ряде провинций, и так далее. То есть на сегодняшний день речь идет о том, что мы не можем изучить практический опыт. У нас ограниченная информация даже по результатам пилотных экспериментов. И сделать вывод о том, является ли базовый доход прологом или не является, на сегодняшний день мы не можем.

Что общего при всех тех различиях? Я скажу, что общего у этой технологии или у этого механизма в различных странах.

Первое – это выплаты безадресные, которые основываются на принципе универсальности. Нет никакой оценки нуждаемости.

Второе – то, что это выплаты наличными без всяких трансфертов, без натуральной формы, без ваучеров и так далее.

Третье – это выплаты периодические, как правило, ежемесячные.

Четвертое – это выплаты, носящие индивидуальный характер, то есть физическим лицам, а не семьям, не домохозяйствам и так далее.

Все остальное различается, и очень серьезно. В первую очередь различается представление о назначении, целях базового дохода.

Коллега из Всемирного банка показал обилие публикаций, которые существуют. Их на самом деле очень много. Но самое главное, что во всех этих работах отстаивается либо одна какая-то основная точка зрения, либо по крайней мере одна или две. Причем эти точки зрения различаются с позиции назначения базового дохода.

Первая точка зрения. Базовый доход – это способ согласования задачи преодоления бедности и обеспечения полной занятости.

Вторая точка зрения. Базовый доход – это способ обеспечения доступности социальной защиты, повышения ее экономичности, в том числе с позиции администрирования.

Третья точка зрения. Базовый доход – это способ увеличения свободы членов общества, предоставляющая возможность одним работать меньше и посвящать себя творческой деятельности, другим заниматься предпринимательством в том случае, если они хотят.

Четвертая точка зрения. Базовый доход – это способ воздействия на социальное и физиологическое благополучие населения через достойное питание, свободное время и так далее.

Наконец, пятая точка зрения, что очень важно, и с господином Сафоновым я тут согласен: базовый доход – это способ адаптации людей и бизнеса к условиям цифровизации, четвертой промышленной революции, изменению условий, форм занятости и так далее. Но нам это не грозит в ближайшее время, поэтому об этом говорить нечего.

Чем же еще различаются эти схемы базовых доходов? Разными уровнями, я об этом уже сказал. Разными источниками финансирования – это может быть государственный бюджет, как, например, в Монголии или Ираке, это может быть региональный бюджет, как в Канаде. Причем я сразу скажу, что если в Финляндии эксперимент завершается в те сроки, в которые он должен был завершиться, то в Канаде только что пришедшее к власти региональное правительство заявило, что прекращает этот эксперимент как абсолютно бесполезный. Слова, которые использовала министр труда провинции Онтарио для характеристики итогов

эксперимента, мягко говоря, не очень прилично воспроизводить. В общем, плохо сказала.

В качестве источников финансирования базового дохода помимо регионального бюджета используют также средства бизнеса, как например в двух пилотных проектах в Соединенных Штатах, и средства некоммерческих организаций.

Какова цена вопроса? Всемирный банк действительно опубликовал обзор 2019 года. Согласно результатам их моделирования, дополнительные затраты внедрения базового дохода значительно варьируются. От 13,8% ВВП в Финляндии до 10,1% во Франции, 8,9% в Великобритании, 3,3% в Италии. Я не буду останавливаться на технологиях и методике прогнозов, но цифры такие.

Теперь по поводу вопросов, что получают участники этих пилотных проектов. Здесь тоже достаточно большие различия. В Финляндии цифра была названа, причем общим является то, что все системы базового дохода рассчитаны только на население до пенсионного возраста. Пенсионерам базовый доход не предоставляется ни при одном режиме. Участники – безработные в возрасте 25-58 лет. Размер базового дохода – это минимальное пособие по безработице, что составляет 25% по сравнению валовым среднедушевым располагаемым доходом семьи.

В Канаде две категории получателей: малообеспеченные одинокие и малообеспеченные семейные пары. Если посмотреть отношение суммы базового дохода к среднедушевым доходам семьи, для одиночек это 38,7%, для семейной пары – 54,8%.

В Соединенных Штатах то, что планируется в рамках экспериментов – это не моделирование, – от 25% до 12% среднедушевых доходов.

Если использовать эти цифры для России, то 25% валового среднедушевого дохода – это 7 900 рублей. При этом прожиточный минимум у нас 10 088 рублей, МРОТ – 7 500 рублей, а максимальное пособие по безработице – 4 900 рублей.

Реплика: МРОТ уже 9 000 рублей стал.

Владимир Трубин: Я беру 2017 год, сопоставимые данные.

Берем 50% величину базового дохода от среднедушевой. Это тогда будет 15 900 рублей. Тогда понятно соотношение с МРОТ, с этим и этим. В результате, расходы на внедрение базового дохода в России оказываются намного больше, чем нынешние.

Что можно сказать по результатам? Что никаких оснований для внедрения, даже начала внедрения, базового дохода в России нет. Я бы хотел всех предостеречь от того, что надо бежать срочно в Правительство и призывать, что «Давайте мы будем хотя бы пилот проводить». Никаких оснований и аргументов для этого нет.

Очень интересно, как в Америке к финансированию базового дохода пришел бизнес. Сафонов об этом сказал. Крупные фирмы профинансировали проекты по

финансированию базового дохода. На самом деле, они лучше всех представляют себе последствия технологических, технических изменений, и масштабы бедствия. Поэтому, на самом деле, нужно подумать о том, кто должен оплачивать базовый доход. Это один из вопросов, который до сих пор не решен. Государство или бизнес?

Наверное, на сегодняшний день для России можно говорить не о пилотах с базовым доходом, а о проведении очень глубоких исследований и о разработке прогнозов тех процессов, которые ожидают Россию в случае, если когда-нибудь у нас начнется реальная информатизация, реальная промышленная революция и так далее. Потому что на сегодняшний день все это будет на уровне разговоров.

Большое спасибо за внимание!

Пеер Тешендорф: Спасибо огромное. Спасибо, что рассказали о разных взглядах разных моделях, которые существуют. Понятно, что так и должно быть, потому что каждое общество и каждая экономика имеют свои особенности. Поэтому в каждой стране к этому вопросу подходят по-разному. Понятно, что базовый доход – не волшебная палочка, которая решает все проблемы, а это только один из элементов. Но все-таки интересно посмотреть, какие ставки, какие люди должны быть включены, если подумать о России, как можно подумать вообще... Реально вы уже начали рассказывать, насколько это реально или нет. Думаю, это вопрос дискуссии.

Константин Добромислов: Спасибо за предоставленное слово, коллеги. Константин Добромислов, руководитель Департамента социального развития Федерации независимых профсоюзов России, по совместительству доцент Академии труда и социальных отношений.

Хотел поблагодарить всех докладчиков за очень интересную информацию, и обратить внимание на ту статистику, которую привел Джулиано Боноли, с анализом выкладок референдума по Швейцарии. Мой вопрос будет к Миске Симанайнену по поводу того, как в Финляндии финские профсоюзы отнеслись к инициативе базового дохода, и какова их аргументация.

Миска Симанайнен: Я хочу вам ответить просто как гражданин, который читает газеты, чтобы понять их мотивацию. Финские профсоюзы представляют определенную партию в этих общественных дебатах, они не поддерживают идею базового дохода. В Финляндии базовый доход поддерживают партия зеленых, и партии левого крыла, левого альянса, так же, как в Швейцарии. Но почему так происходит?

В Финляндии членство в профсоюзах и вопросы, касающиеся выплаты пособий по безработице, заработных плат, связаны. Нужно быть членом Фонда по выплате пособий по безработице, чтобы его получать. Использование безусловного базового дохода может вызывать определенное беспокойство у этих союзов с точки зрения

занятости, потому что это будет против их интересов. Тут есть прямая связь между членством в этих организациях и профсоюзами.

Лилия Овчарова: У меня вопрос к профессору Боноли. У вас есть какое-то понимание, почему такие высокие стандарты гарантированного дохода стали тестировать в Швейцарии во время референдума? Потому что есть гипотеза, что если бы размер минимального гарантированного дохода был бы ниже, то мнение могло бы измениться. Тем более мне все-таки кажется, что четверть населения «за» – это большая группа населения. Поэтому есть какая-то версия, почему организаторы поставили такую высокую планку?

Джулиано Боноли: Это очень хороший вопрос, действительно. Особенно насколько много людей думали, почему предложение провалилось. Может быть, действительно были предложены очень большие цифры? Я говорил, что голосование было не по поводу цифр, не по поводу размера. Сложно сказать. Может быть, люди, которые за этим стояли – это был средний класс, и люди, у которых такой доход, они не думали о политической целесообразности, об этих вопросах? Возможно, причины таковы.

Лилия Овчарова: Немножко странно, почему популисты оказались в числе основных оппозиционеров. Есть какое-то понимание? Потому что обычно популисты поддерживают эту идею.

Реплика из зала: Это народная партия, это не популисты.

Джулиано Боноли: Мне кажется, популистам нравится, когда предложение исходит от них. В данном случае предложение исходило от других людей. В Швейцарии популистская партия – это партия, которая находится в правом крыле, она очень тесно связана с бизнесом. Вряд ли популистская партия могла бы отстаивать такие ценности. Ценности, связанные с трудом, очень важны. Им трудно было перепрыгнуть в другую сторону в этом отношении.

Григорий Юдин: Проводились ли какие-то исследования общественного мнения, которые измеряли реакцию в отношении других предложений, по поводу сумм, которые будут выплачиваться?

И еще вопрос к Миске Симанайнену. Вернемся к тому, о чем вы говорили раньше. Вы измеряли политическое участие как результат этой программы, поскольку здесь может быть также очень большая разница в цифрах. Одно дело – увеличить количество людей, которые желали бы принять участие в этом.

Миска Симанайнен: У нас нет данных по разным количествам. Мы будем собирать данные по политическим партиям, по участию партий в различных социальных сетях. Уже сейчас проводится обследование. Эти данные будут известны в конце эксперимента.

Что касается СМИ, некоторые отдельные лица, которые принимают участие в этом эксперименте, добровольно предоставляют отчеты о ситуации, и мы читаем предлагаемые ими истории. Поскольку участие добровольно, то мы видим, что им нравится идея базового дохода именно как благодарность за то, что им позволили принять участие в этом вопросе. Но пока определенных ответов на этот вопрос у нас нет.

Александр Соловьев: Александр Соловьев, я представитель движения «Основной доход Россия ЗАВТРА». Мы являемся аффилированным членом Всемирной сети базового дохода BIEN. Хочу поблагодарить всех докладчиков и выразить решительное согласие с господином Трубиным в отношении того, что не нужно поднимать вопросы о пилоте. Единственным критерием науки, насколько я знаю, является эксперимент. Никто из уважаемых докладчиков даже не сказал, кто поддерживает сегодня базовый доход. Базовый доход – термин не устоявшийся. Есть гарантированный доход, есть универсальный (universal basic income), терминов очень много. Кандидат в президенты Америки Эндрю Янг называет его дивидендом свободы. В последнее время, базовый доход, который начал развиваться буквально 10 лет назад, охватывает все новые и новые страны.

Мы с моей коллегой были в Тампере (Финляндия), где в августе этого года собрались представители более 60 стран. Страны сейчас борются за право проведения конференций по основному доходу. Следующая конференция будет в Хайдарабаде (Индия), потом в Австралии, и так далее.

В противовес уважаемому Евгению Шлёмовичу, на самом деле, BIEN определяет основной доход как периодический денежный платеж каждому и всем, безо всяких условий. Поэтому называется unconditional. Других условий нет. Это для всех, для разных социальных групп.

Возвращусь к тому, кто поддерживает основной доход. Обама не так давно выразил поддержку основному доходу. Цукерберг – то же самое. Илон Маск также. В одних Нидерландах больше 14 общественных групп, которые поддерживают основной доход. В отличие от нашей ситуации, там люди имеют право собираться, обсуждать вопросы, что они постоянно и делают. И голосование в Швейцарии – это очень хороший показатель. При этом примите во внимание, как правильно сказал господин Трубин, что Швейцарцы отклонили, не согласились, ведь там еще был вопрос миграционный, скорее всего, – и сразу же Рейнау проводит эксперимент. Это деревушка всего 1300 жителей. Они установили себе планку, минимально получать с 19 лет порядка 550 евро, максимально после 30 или после этого получать 2180 евро в месяц. Из 1300 человек 770 человек уже записались. Они сейчас ищут финансирование, и будут обязательно проводить эксперимент. Поэтому я бы хотел сказать, что сегодня в России нужно обязательно обсуждать идею базового основного дохода (basic income), и обязательно нужно проводить эксперименты. Только так мы можем увидеть, применимо это к нашей стране или нет. Спасибо.

Людмила Ржаницына: Поддерживаю господина Трубина. Как приятно слышать, что можно что-то посчитать заранее, какие-то последствия, прежде чем тратить денежки на эксперименты типа повышения пенсионного возраста, когда посчитали потом, прослезились. Денежки потребовались на это дело вместо того, чтобы от него получить. Я уж не говорю о том, что будет дальше. Так что примите мои поздравления. Очень хорошо.

Есть страна, у которой есть безусловный гарантированный доход – это Катар, например. Всем гражданам – я не говорю про приезжих – платят, как известно. Почему нам это важно? Потому что это страна, которая раздает рентный доход. Это страна, которая добывает нефть.

Есть одна другая страна, у которой есть нефть – это Норвегия, – но она почему-то этого не делает. Значит, речь идет о том, что какие-то конкретные ситуации могут заставлять ставить этот вопрос. Но каждый раз надо посчитать, насколько это в тренде.

Что касается тренда российского, вы меня простите, сейчас не дали 2 миллионам людей выйти на пенсию.

Сейчас предлагают, чтобы уже с 14 лет школьники включались в трудовую деятельность. Простите, беременных женщин тоже просят пораньше выйти из отпуска, это тоже инициатива Государственной Думы. Я уж не говорю о том, что столько лет предлагают, чтобы от 1,5 до 3 лет платили пособия женщинам, которые родили, и до сих пор это не получается, в значительной мере для того, чтобы не сокращать те трудовые ресурсы, которые ожидаются. Потому что у России пока только одна проблема – экономический подъем, экономическое оживление. И самая главная задача социальной политики – способствование экономическому оживлению. Базовый доход уже никак не может способствовать. Спасибо.

Константин Добромислов: Еще одно замечание. Из высказываний, которые мы услышали, обсуждая базовый доход, мы видим, что понятие базового дохода, его изначальная идея достаточно серьезно трансформируется. Применительно к каждой стране, она по-своему интерпретируется. Изначально говорили, что это безусловный базовый доход, всем поровну. Дальше, если мы наблюдаем всю историю развития, где и в какой стране это происходило, каждая страна применяет по-своему: Финляндия к безработным, другие страны – к другим категориям малоимущим.

Где это прошло хорошо? Мы видели, что эти эксперименты проходили локально. Хорошо они прошли там, где источником финансирования был внешний источник. Там все это удачно получается. А контингент, на который это распространялось, был ограничен.

Когда это переносится в совершенно другие масштабы, то есть происходит масштабирование системы, и когда система должна сама себя финансировать, то мы понимаем и оцениваем – это несложно сделать, экономически посчитать, – что,

к сожалению, экономический ресурс ограничен, и в этом экономическом ресурсе невозможно всем обеспечить тот безусловный доход.

Валентин Дементьевич (Роик) сказал, что никто этим не занимается, профсоюзы не ставят вопросы по МРОТ. Тем не менее, вопрос стоит. Мы сегодня говорим о минимальном потребительском бюджете, отличающемся от МРОТ, и достаточно серьезно. Нас этот вопрос как раз интересует, для того, чтобы работнику обеспечить минимальный потребительский бюджет. А он во много раз больше, чем тот МРОТ, на который сегодня возможно человеку жить.

Абсолютно правильно, что в тех странах, где уже сложилась система социальной защиты, где она уже работает, то там внедрение базового дохода – это некая попытка сдвинуть эту систему.

Действительно, во всех развитых странах сегодня, где есть эти системы социальной защиты, происходит некий кризис. Все понимают, что изменяющиеся трудовые условия, виды и форма занятости начинают деформировать систему социального страхования, что эта система не успевает за теми новшествами, которые происходят в обществе. Поэтому, действительно, они терпят финансовый крах, когда оказываются неспособными обеспечить людей.

Но эксперимент в Финляндии по безусловному базовому доходу распространяется на застрахованных. В России мы знаем, что система страхования от безработицы просто отсутствует. Есть некое пособие, которое по размеру вообще непонятно, к чему отнести. Хотя со следующего года это пособие возрастет, и это произошло исключительно потому, что произошла пенсионная реформа с повышением пенсионного возраста. Если бы этого не было, то мы бы продолжали точно также жить. И сегодня неспроста профсоюзы поставили вопрос о пересмотре и создании рабочей группы при президенте по поводу социального реформирования. Почему? Да потому что вопросы назрели, они серьезные, но, к сожалению, их никто не решает и не собирается решать. А этот вопрос надо ставить.

Не факт, что базовый доход будет панацеей от всех болезней, которые есть, потому что экономически он вряд ли сможет решить все те проблемы, которые ему приписывают. Финансовые ресурсы везде ограничены.

Пеер Тешендорф: Спасибо огромное. Наша сессия подошла к концу. Далее после перерыва еще будет возможность обсудить разные аспекты этой концепции.

Благодарю выступивших докладчиков. Мне очень понравилась дискуссия. Помимо специфики, я вижу в России элементы, которые есть в каждой стране. И тут уже вопрос, может быть, скорее о ценностях, нежели чем о конкретных механизмах. Мне это очень интересно. Надо посмотреть будет, как будет дальше.

Панель II: Базовый доход и проблема неравенств

Евгений Гонтмахер: Мы продолжаем дискуссию. Мне кажется, настоящая панель, посвященная базовому доходу и проблеме неравенства, очень важна. Хочу сказать о том, что к этой теме имеет отношение та дискуссия, которая у нас была. Думаю, следующая тема, которая примыкает к базовому доходу – налоговая система, система платежей. Некоторые эксперты опасаются, что введение базового дохода увеличит государственные расходы аж на 3-8-10% ВВП. Но помните расчет, который нам показывал профессор Боноли? Швейцарцы же не просто предлагали ввести базовый доход, а много чего отменить и поискать источники дохода. У них получились относительно небольшие дополнительные расходы. Они предлагали увеличить НДС, как я понимаю, на 8 процентных пункта – это очень прилично. Но у нас спокойно увеличивают на 2 процентных пункта НДС, налог на недвижимость растет. Ввели платежи на капремонт, которые мы все платим, и всё спокойно. А уж когда говорят про введение отдельных элементов базового дохода, то история про «Не надо вводить, потому что это дополнительные деньги», не выдерживает никакой критики. Это именно другая социальная политика, которая предполагает другой механизм распределения общественных ресурсов, в том числе налогов. Вот на что надо смотреть.

Финляндия – очень хороший пример. Там начали с небольшого эксперимента. Посмотрим, какие будут итоги. Но Швейцария тоже проходит через апробацию идеи, пусть пока неудачную. Так или иначе, я знаю, что инициаторы референдума продолжают свою работу и хотят вернуться к этому вопросу на повторном референдуме.

Исходя из своих ремарок, хотел начать сессию по базовому доходу и проблемам неравенства, потому что неравенство – это же не только чисто механическое распределение денег: из одного кармана вытащили, в другой положили. Это определенный механизм, это реализация принципов справедливости, например. Сейчас это очень актуально.

Мы в Комитете гражданских инициатив проводили большую конференцию на эту тему. Справедливость как категория имеет конкретные очертания. И люди у нас сильно обеспокоены тем, что у нас очень много несправедливости. А как это измерить, упаковать? Эта сессия, мне кажется, в этом плане будет интересна.

Я бы хотел предоставить слово Юрию Владимировичу Кузнецову, заместителю главного редактора журнала «Экономическая политика». Он один из немногих в России, кто профессионально занимается вопросом базового дохода. Я очень рад, что Юрий Владимирович пришел с нами поделиться. Пожалуйста.

Юрий Кузнецов: Прежде чем рассказывать что-то про базовый доход, сделаю два замечания личного характера. То, что я стал этой темой заниматься, или, точнее

попал в эту тематику – это в некотором смысле случайность. На самом деле, я интересовался не базовым доходом, а Финляндией. Эта страна интересна не только сама по себе, но и с точки зрения экономиста, именно потому, что там начинается серьезная реформа системы социального обеспечения и вообще института социального государства. Сейчас эта реформа начинает разворачиваться. Базовый доход – лишь маленькая тема внутри этой большой темы, и даже не самая центральная. Если посмотрите финскую прессу, там про этот эксперимент пишут гораздо меньше, чем про другие элементы этой большой реформы.

У нас возник ажиотаж три года назад по поводу базового дохода, когда правительство Финляндии сказала, что оно действительно проведет эксперимент, и таким образом я оказался в это вовлечен.

Второе. Я был очень удивлен, что меня включили в панель на тему неравенства, потому что в узких кругах экономических публицистов я широко известен как автор предельно либеральный, либертарианский, и тема неравенства точно не моя. Тем не менее, я постараюсь про неравенство тоже сказать. И даже с этого начну.

Первое. Некоторые базовые вещи, которые надо понимать в контексте. Вообще, тема, которую мы обсуждаем – если отвлечься от идеологических утопических суждений, которых много в книгах, которые показывали на слайдах на предыдущей сессии – то все-таки состоит в том, что базовый доход – это вид социальной страховочной сетки. Это социальная помощь, а не перераспределительный механизм. Конечно, он предполагает некоторое перераспределение, как и любое участие государства в чем-либо, но, тем не менее, по своей философии и по сути это страховочная сетка. То есть это помощь тем, кому трудно, а не попытка прижать богатых и приподнять бедных.

Второй момент. Базовый доход, если его внедрить в чистом виде, то есть как выплата всем одинаковой суммы, воздействует, прежде всего, на неравенство между сравнительно низкодоходными группами. Я это потом проиллюстрирую. Надо понимать, что нынешняя система социальных пособий создает определенный паттерн распределения благ, как в денежной форме, так и в неденежной. И если внедряется базовый доход, то этот паттерн сильно меняется: одни проигрывают, другие выигрывают, это очевидно. Более того, в нем самом запаяны серьезные механизмы изменения соотношения разных групп богатства и статуса.

Например, если базовый доход внедряется полностью, в чистом виде и заменяет собой пособие на оплату квартиры, которое, кстати, есть в Финляндии и во многих других западных странах, то, если это пособие отменить и заменить частью базового дохода, это сразу создает мощный стимул к изменению расселения, причем именно среди низкодоходных групп. Я думаю, все это понимают. Именно поэтому в финском эксперименте и в предлагаемом проекте пособие на оплату квартиры было исключено. Его не заменяют базовым доходом. Политически это очень сильная социальная сдвигка.

Влияние базового дохода на неравенство неравнозначно и разнонаправленно. В одних аспектах неравенство может расти, в других уменьшаться. Те, кто занимаются профессионально этой темой, про это хорошо знают, я даже не буду сейчас это дополнительно иллюстрировать.

Второй элемент контекста. Я заявил тему как реформирование систем социального обеспечения. Чтобы говорить об этом реформировании, надо понимать, что у современного социального государства есть две больших группы проблем. Одна проблема глобальная – это его финансовая нежизнеспособность в долгосрочном плане. Это не секрет, это обсуждается давно на самых высших уровнях, просто политики про это не говорят. А люди даже уровня руководителей центральных банков и министров финансов это вполне себе признают. Эту нежизнеспособность часто объясняют демографической проблемой, старением населения. Но это не совсем корректно. Проблема не в старении населения, а в том, как система воспринимает и реагирует на старение. Дело в политическом дизайне современного социального государства. Этот дизайн сейчас вползает в серьезный экзистенциальный кризис. Это еще одна сторона дела. Про это я больше говорить не буду, просто надо это иметь в виду.

Приходит человек на диспансеризацию, у него давление скачет, кардиограмма что-то не очень, по печени анализы не очень хорошие. И начинают его лечить. Если знать, что этот человек долго и безнадежно пьет, то знание этого контекста очень сильно меняет оценку эффективности лечения и того, чего можно ожидать от такого лечения. Про этот базовый факт забывать не нужно. Весь дизайн в целом переживает кризис, и он будет как-то меняться. Я не говорю, что все рухнет, наступит кошмар, социальный апокалипсис и все такое. Нет, но кризис налицо.

И есть проблема локальных неэффективностей разного рода. Во-первых, есть проблема сложности, запутанности. Известный, признанный в мире специалист по социальному государству и бюджетным системам Вито Танци предлагает эту сложность (complexity) сделать одним из базовых критериев оценки систем социального обеспечения. Вон там на столике лежит журнал «Экономическая политика», в котором его статья. Советую вам посмотреть ее. Если не достанется бумажный журнал, то он есть на сайте в электронном виде.

Бюрократические ловушки упоминал Миска Симанайнен в предыдущей сессии: ловушки бедности, ловушки застойной безработицы и так далее.

Далее – неэффективность по издержкам, бюрократия, коррупция, теневые схемы и прочее.

Неэффективность по качеству, то есть качество услуг никого не удовлетворяет.

Эти локальные неэффективности, и решение этих локальных проблем – это отдельная песня. Про это базовый доход и говорит. Он не решает фундаментальную

проблему, но он, как рассчитывают его сторонники, позволит решить локальные проблемы.

Что бы я хотел сказать об этих локальных неэффективностях, то есть о пункте 2? Если посмотреть, к чему они сводятся с теоретической точки зрения, то станет понятно, что общим элементом всех этих локальных неэффективностей является то, что мейнстримная экономика называет асимметрией информации. Социальное государство заявляет, что оно хочет поддерживать людей, оказавшихся в каких-то сложных жизненных условиях. Но при этом возникает вопрос: как оценить, попал человек в эти сложные жизненные условия или нет? Надо его поддерживать или не надо? Все эти ловушки, сложности и неэффективности связаны с тем, что решение этой проблемы само по себе требует издержек. Эта информация не является общедоступной. Это то, что Хайек называл локальным знанием. И таким же локальным знанием являются, между прочим, представления о равенстве или неравенстве, потому что это нам, интеллигентам-экономистам, кажется, что мы знаем, что такое неравенство, но люди под этим могут понимать совершенно другие вещи. Главное, для них экзистенциальную ценность могут представлять совсем не те вещи, которые себе рисуем мы на своих графиках распределения доходов.

Асимметрия информации. Я буду пользоваться этим термином.

Базовый доход, как считают его сторонники, позволяет решить некоторые из этих задач: снижение этих локальных неэффективностей, снижение сложности системы социальной поддержки. Понятно, что базовый доход проще, он заменяет много всяких хитроумных пособий, по каждому из которых надо оценивать нуждаемость, и так далее. Поэтому Вито Танци условно поддерживает эту идею, понимая, что с ней связаны свои издержки, о которых мы поговорили. Ликвидация ловушек бедности, бюрократических ловушек и прочих ловушек, связанных с условиями предоставления пособий, которые, говоря техническим языком, связаны с невыпуклостью множества возможностей.

И третий пункт, любят всякие утописты-футурологи – утописты в нейтральном смысле, это не ругательное слово в данном случае...

Евгений Гонтмахер: Визионеры.

Юрий Кузнецов: Отлично! Утописты – это придумал Рутгер Брегман, который это слово любит, пропагандист этого базового дохода. Действительно, визионеры.

Итак, третий пункт – расширение свободы выбора у получателя пособий. То есть это монетизация льгот в широком смысле. Вместо того, чтобы давать много мелких пособий на какие-то отдельные цели, еще частично и в натуральной форме, просто даются деньги, и у людей появляется свобода выбора, они могут распорядиться этими деньгами лучше, чем какие-то умники, которые сидят в министерстве и что-то за них планируют.

Это базовые вещи. Это те цели, которых позволяет достичь базовый доход в рамках реформы систем социального обеспечения, их оптимизации, рационализации, совершенствования и так далее.

Какие издержки связаны с базовым доходом?

Есть издержки, связанные с пунктами 2 и 3 – это дестимулирующий эффект для некоторых групп. Про это говорилось. Политическая невозможность замены всех пособий базовым доходом. Я тоже упоминал об этом.

А еще одна важная издержка – это необходимость повышения налогов для балансирования бюджета. Если базовый доход внедряется полностью, то повышение налогов для балансирования бюджета практически неизбежно.

Проиллюстрирую эту мысль с помощью знаменитого графика, который даже в «Википедии» есть в статье про базовый доход. Его очень полезно видеть. Он есть в большом финском отчете 2016 года, о котором сегодня уже говорилось.

По оси абсцисс отложен доход до налогообложения и пособий, а по оси ординат – с учетом налогов и пособий, то есть то, что человек получает на руки. Биссектриса показывает зависимость в случае, когда нет ни подоходного налога, ни выплат.

Предположим, есть только подоходный налог. Налог (голубенькая линия) уменьшает все доходы в определенной пропорции, он плоский. А вот базовый доход. Он поднимает линию чистого располагаемого дохода вверх. Получается, что зелененькой линией показаны располагаемые средства после уплаты налога и получения базового дохода.

Здесь возникает такая фокальная точка, при которой доходы до того, как заплатили подоходный налог и получили базовый доход, сохраняются неизменными.

Первое, что надо понимать: для всех людей, которые попадают в часть, лежащую справа от этой точки, базовый доход – это вообще не доход, это налоговая льгота. Просто де-факто. Это простая логика, математика. Это первая мысль.

Все эффекты базового дохода, которые интересны, типа уничтожения ловушек, замены единого пособия, упрощения администрирования и прочего, касаются людей, которые находятся слева от фокальной точки и рядом ней, то есть те, кто получают меньше либо чуть больше, чем базовый доход. Именно в этой части нашего условного распределения находятся все эти ловушки, все эти выпуклости, из-за которых возникают проблемы на рынке труда, и так далее.

Для этих людей заменяются существующие пособия базовым доходом. То есть можно предположить, что на тех, кто сейчас получает пособие, в среднем после введения базового дохода придется тратить примерно столько же, сколько и до. А этим людям, попадающим в более высокодоходные группы, дается налоговая льгота. И чтобы балансировать бюджет, для выплат этим высокооплачиваемым категориям получателей базового дохода надо будет где-то взять деньги. Из этого

следует важный вывод: базовый доход как цельная система требует серьезного изменения бюджетной системы в целом, и налогов тоже, то есть надо будет что-то повысить. Швейцарские цифры нам иллюстрировали, и то, что это налоговая льгота, они тоже очень хорошо иллюстрировали, и в финском отчете это написано. Это первое.

Второе. Из этого следует, что эксперименты любого рода не могут дать никакого окончательного ответа. Эксперимент в Финляндии в основном отвечает на вопрос, как изменятся стимулы людей, которые находятся в левой части шкалы доходов, будет ли здесь экономия на издержках администрирования и так далее. Но он не может дать ответ на вопрос, как все это будет работать вместе, потому что все это вместе требует изменения налоговой системы и многого другого. Поэтому давайте не будем обольщаться насчет того, что эксперименты что-то дадут. Они дадут много важного и интересного, но не могут дать ответа на главный и решающий вопрос: стоит этим вообще заниматься или нет?

Теперь смотрите, что произойдет. Чистые издержки в правой части распределения доходов, конечно, будут не очень велики, но они будут заметны, потому что это будет перекачка денег как бы впустую.

Возникает естественный вопрос: а зачем, если мы хотим социально помогать бедным людям, перекачивать деньги через бюджет для более богатых? Зачем тратить средства на сбор налогов, раздачу денег, зачем туда-сюда деньги гонять? А я отвечу в логике идеи базового дохода: эти издержки – это плата за избавление от информационной асимметрии. Базовый доход – это инструмент избавления от информационной асимметрии, если его понимать как систему социальных пособий, отвлекаясь от визионерских концепций.

Я понимаю, что, когда выплачивается базовый доход, не нужно проверять нуждаемость по «десяти тысячам» пособий, не нужна система администрирования многочисленных других пособий. Почему нынешняя система такая громоздкая и запутанная? Для того, чтобы получить ту информацию о получателях, которая позволит принять решение: дать ему пособие или не дать. Не вообще, а конкретно маленький кусочек всей системы.

Теперь переформулирую вопрос. Ради чего внедряется базовый доход, во всяком случае, ради чего в Финляндии его восприняло правительство – кстати, правоцентристское, а вовсе не левое, как можно было бы ожидать? Ответ: уменьшение информационной асимметрии. Правительство, которое вводит это, понимает, ради чего это вводит – ради этого. И Вито Танци тоже пишет про это. Советую прочитать.

Еще раз переформулирую вопрос. Если исходить из цели уменьшения информационной асимметрии, то является ли базовый доход единственно возможным суперпрекрасным способом, пригодным для всех мест и времен?

Естественно, ответ «нет». Можно придумать другие схемы, которые по-своему хитрым способом будут эту асимметрию уменьшать.

Я привел бы три примера. Это пока проекты разного рода, но мысли идут в этом направлении. Вот некоторое меню возможностей.

Есть базовый доход, у него свои выгоды, свои издержки.

Есть универсальное пособие, концепцию которого разработали в НИФИ (Научно-исследовательский финансовый институт при Минфине) совместно со Всемирным банком. Про это знают, много пишут в прессе.

Приведу более экзотический пример, тоже из Финляндии. Только это не правительственный проект, а разработал его либертарианский аналитический центр Libera. Эта информация есть на английском, не только на финском. Это так называемый базовый счет. Это некий гибрид базового дохода с двумя другими системами. С одной стороны, там задействуется существующее в Финляндии базовое пособие, с проверкой нуждаемости, но простое по устройству. С другой стороны, базовый доход в проекте, который сейчас существует. И, в-третьих, индивидуальный социальный счет типа тех, которые существуют в Сингапуре. Предложен некий гибрид. Для каждого гражданина заводится некоторый счет, на который поступают деньги от социальных налогов, с которого он может брать деньги, в том числе на пропитание, жизнь, образование, и который функционирует по некоторым правилам. И то, как человек использует этот счет, позволяет определенным образом на это реагировать и использовать ту или иную схему социальной поддержки, в том числе базовый доход. То есть это такой модифицированный базовый доход, построенный по принципу меню контрактов, если использовать технический экономический язык. Такая штука разработана, можете почитать на английском о ней.

Есть еще отрицательный подоходный налог Милтона Фридмана, который тоже нигде не был реализован, но его идея заключается примерно в том же – снизить это информационное трение, издержки на победу над асимметрией информации. Я бы не стал его хоронить, потому что появляется возможность даже его реализовать. Как раз незадолго до начала эксперимента в Финляндии по базовому доходу я читал интервью с финским министром по налогам, и эта дама сказала: «Жалко, что в Финляндии немножко поторопились с экспериментом, потому что сейчас с 2019 года будем внедрять систему поступления подоходного налога в реальном времени. Можно было бы туда попробовать запаять отрицательный подоходный налог» (имеется в виду фридмановский). Это тоже сбрасывать со счетов рано. И я уверен, что существует еще много таких схем, и их можно придумать. Главное – правильно поставить задачу, это значит наполовину ее решить. Если подойти к базовому доходу таким образом, как к механизму минимизации информационной асимметрии, то его логика становится более понятной, и мы сразу оказываемся в

ситуации, когда мы не заперты в одну конкретную концепцию, а можем подойти к делу достаточно широко и творчески. Спасибо.

Евгений Гонтмахер: Спасибо, Юрий. У нас есть дискуссионный партнер Светлана Мареева, которая представляет Институт социальной политики НИУ ВШЭ.

Светлана Мареева: Коллеги, я бы хотела обратиться к тезису, который обозначен в программе как подзаголовок для нашей панели: «базовый доход важен для решения глобальной проблемы роста самых разнообразных неравенств и связанного с этим массового общественного недовольства», и остановиться на вопросе о том, каких целей базовый доход действительно может достичь в связи с проблемой неравенств, а каких не может, причем с акцентом не только на объективную ситуацию, но и на обозначенное «общественное недовольство».

Неравенства действительно представляют собой очень серьезную «болеву точку» для социально-экономической политики во всем мире. Проблема неравенств вновь вышла на первый план после кризиса 2008-2009 гг., хотя и до этого экономисты озвучивали опасения о растущем или сохраняющемся на очень высоком уровне экономическом неравенстве в мире – как между странами, так и в рамках отдельных стран. Это внимание к проблеме неравенства отразилось, в том числе, в последовательном выходе большого количества крупных экономических работ в течение последних лет: работы Т. Пикетти, Дж. Стиглица, А. Дитона, Э. Аткинсона, Б. Милановича; целый ряд докладов международных организаций тоже был посвящен именно проблемам неравенства. В экономике неравенство в очередной раз оказалось в центре внимания.

Социологи тоже озвучивают озабоченность растущим неравенством, хотя в социологии неравенство всегда является одной из базовых концепций, поскольку это основа социальной структуры. Но сегодня речь идет о том, что, во-первых, сохраняются аскриптивные основания неравенства, связанные с обстоятельствами рождения – то есть не приобретаемые, а предписанные основания. Во-вторых, у неравенства появляются новые измерения, в том числе связанные с новыми явлениями, о которых сегодня уже говорили – с технологическими изменениями, с изменениями на рынке труда (прекаризацией труда, нестабильностью трудовой занятости). Появляются новые основания неравенства, что усложняет систему социальной защиты и поддержки.

Растущее и сохраняющееся неравенство, как с экономической, так и с социологической точки зрения – это достаточно серьезный вызов для социальной политики, причем во всем мире, и Россия тут не является исключением. В России это скорее еще и повод для пересмотра общественного договора, потому что мы сейчас находимся в той точке, когда это действительно необходимо.

Относительно неравенства в России. Неравенство можно измерять по-разному. Не вдаваясь в подробности, нужно сказать, что если говорить о неравенстве в массовых

слоях населения, то на международном фоне Россия демонстрирует картину достаточно высокого, но не пограничного неравенства. Если же говорить о неравенстве с точки зрения концентрации доходов и богатства, то здесь Россия в числе мировых лидеров, причем по разным данным (Credit Suisse, Всемирная база данных по неравенствам). И это две разные проблемы.

Базовый доход может частично способствовать решению проблемы с первым типом неравенства – в массовых слоях. Хотя здесь соглашусь со сказанным ранее, что это, прежде всего, будет относиться к нижней части доходного распределения, к бедным и низкодоходным слоям населения – служить их подтягиванию к середине (но это вопрос конкретной конфигурации при реализации идеи). Но нужно отметить, что ряд данных, в том числе данные Всемирного банка, а также наши исследования в рамках Института социальной политики показывают, что такой процесс и так идет за счет опережающего роста доходов нижних слоев населения. Это тоже важно, но это скорее борьба с бедностью, что может частично способствовать снижению социальной напряженности. Но вторую проблему – проблему отрыва верхушки от остального населения – это никак не решает. И кроме самого отрыва верхушки важный вопрос состоит еще в легитимности такой ситуации.

И это другой аспект, о котором нужно сказать: вызов для социальной политики состоит не только в высоких показателях неравенства самого по себе. Экономисты продолжают искать границы «эффективных» неравенств - то есть до какого уровня неравенство стимулирует развитие, а с какого уровня начинает мешать, и консенсуса тут нет. Более того, граница эффективности может быть разной в зависимости от конкретной ситуации в отдельной стране. Поэтому насколько нужно снижать неравенство в целом – это открытый вопрос. Но очень важными остаются основания неравенства – нелегитимные они или легитимные, и его восприятие населением как легитимного или нелегитимного, как меритократического или нет, «заслуженного» или «незаслуженного». И это определяет возможность неравенства выступать стимулом для продуктивности, или же, наоборот, препятствием для экономического развития. Особенно это важно, если мы говорим о новой модели роста, которая должна быть основана на человеческом капитале.

Уже было показано, что те неравенства, которые воспринимаются населением как нелегитимные, приводят к большому количеству негативных последствий: социальная напряженность, негативная оценка ситуации в стране, неверие в перспективы страны. Это может приводить и к сокращению собственных эффективных стратегий инвестиций в человеческий капитал, что препятствует и развитию страны в целом.

К сожалению, данные исследований показывают достаточно высокую проблемность ситуации в этой сфере в России. Система воспринимается населением как нелегитимная, основания неравенств – как несправедливые, и в целом социальные неравенства воспринимаются очень остро. Причем, наверху рейтинга оказывается

доходное неравенство. То, что оно наверху – это вроде бы лишний сигнал, лишний аргумент «за», что базовый доход может быть позитивно воспринят населением. К этому я еще вернусь.

Важно отметить, что система распределения частной собственности и система оплаты труда представляются несправедливыми всем слоям населения независимо от их собственного материального положения. Это общее, консенсусное мнение. Соответственно, запрос на борьбу с неравенством предъявляется в этой связи в первую очередь государству, потому что в сложившейся нормативной модели россиян государство – это главный участник, который играет решающую роль в социально-экономической политике, согласовывает интересы разных групп и обеспечивает реализацию их интересов.

Может ли базовый доход стать таким элементом государственной политики, который позволит на этот запрос населения ответить? Тут мы приходим к неоднозначным оценкам. С одной стороны, достаточно высоко базовое согласие с тем, что государство должно выплачивать всем ежемесячно определенную сумму денег в качестве ренты от природных ресурсов. С этим утверждением согласны 80% россиян. Цифра, на первый взгляд, очень высокая. Но, с другой стороны, это, скорее всего, следствие той модели, о которой я говорила, что государство в целом должно выполнять большинство функций, связанных с социальной политикой и экономической политикой. То есть роль государства в представлениях россиян во всех сферах очень велика. И если мы сравним эту долю с долей согласных с тем, что государство должно сокращать разрыв в доходах между богатыми и бедными, обеспечивать прожиточный минимум безработным, обеспечивать справедливую оплату труда – то все они, в принципе, оказываются сопоставимы. Насколько же такое согласие населения будет получено, если мы перейдем к вопросу практической реализации базового дохода – это вопрос открытый.

С другой стороны, у россиян пока сохраняется достаточно высокая толерантность к доходным неравенствам, которые основаны на легитимных, в их представлениях, основаниях: это знания, квалификация, образование, опыт работы – то есть более высокий человеческий капитал, более высокая эффективность работы в условиях равенства возможностей. Отсюда достаточно велика и готовность к доходной дифференциации. Хотя она в последние годы сокращается, но в целом такая готовность остается важным ресурсом развития.

Кроме того, в общественном сознании до сих пор доминирует (хотя поддержка тоже постепенно снижается) приоритетность равенства возможностей над равенством доходов, то есть результатов. А базовый доход все-таки в первую очередь относится к решению проблемы неравенства результатов. Это тоже важно, но это другой аспект проблемы.

Еще один элемент, о котором тоже имеет смысл подумать: для реализации базового дохода необходима общественная солидарность и высокая степень общественного

согласия. Насколько она сформирована в современном российском обществе – это тоже, на самом деле, достаточно спорный вопрос. Потому что, например, причины бедности и богатства населением воспринимаются по-разному, хотя и с перевесом в вину государства в первом случае и везения – во втором, но однозначного понимания тут нет. И в представлениях россиян не всем бедным надо помогать, надо учитывать разные причины бедности, что к ней привело. И только в зависимости от этого уже разрабатывать какие-то механизмы социальной политики. И это тоже в определенной степени ставит под вопрос идею безусловного базового дохода.

Руслан уже упоминал в своей презентации, что в России традиционно сильны механизмы, при которых помощь оказывается по категориальному принципу, то есть по принадлежности к определенной группе. Вопрос о готовности россиян к замене этого категориального подхода той помощью, которая не учитывает индивидуальных заслуг людей – это тоже важный вопрос.

Если все сказанное обобщить, то в отношении неравенства с точки зрения его восприятия в общественном сознании базовый доход может сработать лишь частично. Он частично может снять социальную напряженность в бедных и малообеспеченных слоях населения. Это зависит уже от конкретных механизмов, как это будет реализовано, от того, кто именно выиграет, кто проиграет. Но он не решает другие, возможно, более важные вопросы в представлении россиян относительно неравенства, которые связаны с отрывом верхушки, с нелегитимностью оснований неравенства, с обеспечением равенства возможностей, а не равенства доходов, с учетом важности разных причин бедности и заслуг населения.

Сокращение неравенства должно быть включено в повестку дня новой социальной политики, являться одним из элементов нового общественного договора государства с населением. Но в восприятии населения – это скорее задача перевода неравенства на меритократические основания, а не выравнивание ситуации среди бедных и низкодоходных россиян, на что в первую очередь базовый доход может оказаться нацелен.

Другое дело, что при этом базовый доход может решать иные важные вопросы – это ответы на вызовы рынка труда, на вызовы, связанные с индивидуализацией жизненных путей и жизненных ситуаций, когда стандартные схемы социальной поддержки уже работают не так эффективно. И что даже более важно для общественного сознания – это то, что обсуждение идеи базового дохода может в принципе выполнить роль «декларации о намерениях» государства начать работу с проблемой неравенства, причем как в массовых слоях, так и с точки зрения общей справедливости распределения рент. Но это уже другая тема, и тут вопрос даже не в конкретной конфигурации этого инструмента, не в конкретных условиях его реализации, а в самой концепции, идее базового дохода: должен ли он вообще

быть нацелен на борьбу с неравенством, или он все-таки предназначен для решения других вопросов. Спасибо.

Евгений Гонтмахер: Спасибо.

Сергей Храмов: Меня зовут Сергей Храмов, я генеральный инспектор труда Союза профсоюзов России. Хочу подчеркнуть то обстоятельство, что в теме «базовый доход» важнейшим является слово «универсальный». Мне кажется контрпродуктивным выделение термина «базовый доход для малообеспеченных слоев населения», потому что суть базового дохода в том, что он для всех. Если начинается какая-то дифференциация – малообеспеченные, среднеобеспеченные, богатые, – то появляется дядя и тетя чиновные, которые определяют, насколько, сколько, кому, чего. Дальше формируется коррупционная составляющая, а также ловушка, о которой говорил Юрий Кузнецов в своем выступлении. То есть базовый доход будет, как мне кажется, эффективен, когда он будет универсальным.

Но возникают старые принципы социально справедливости, по которым материальное пособие не может даваться всем одинаково: и бедному, и богатому. Богатый олигарх будет получать те же самые 20 тысяч рублей. Обидно. Поэтому я рекомендую разработчикам этого проекта использовать другую формулу – механизм добровольного отказа от получения базового дохода. За какой-то нематериальный или другой бонус. Поверьте мне, этот механизм сработал, когда была монетизация льгот, когда люди отказывались – правда, за материальную льготу, за деньги, – но в данном случае именно я уверен, что очень большое количество обеспеченных людей скажут: «Нам не нужен базовый доход». Думаю, это будет гораздо проще, дешевле и удобнее, чем вводить огромную армию чиновников, которые будут подсчитывать, кто малообеспеченный, кто среднеобеспеченный.

Теперь самое важное. В отличие швейцарских или финских профсоюзов у меня есть убеждение в том, что российские профсоюзы поддержат концепцию базового дохода. Скажу, почему такая позиция будет у нас. Просто потому что введение базового дохода создаст бóльшую мотивацию для установления реального социального партнерства.

Я позволю себе привести установившийся максимум, что бастуют сытые рабочие, а голодные рабочие выживают. Если у работника есть некий базовый доход, и он понимает, что, если он теряет работу где-нибудь на градообразующем предприятии, и что он становится просто нищим, которому нечем кормить свою семью, а когда у него хоть что-то есть, тогда он будет спокойно и трезво участвовать в процессе социального партнерства, он будет не боясь создавать профсоюзы.

Где здесь проблема? Проблема в том, что работник, теряя работу, теряет все. И во-вторых, что существующая еще с 1986 года советская система оплаты труда загоняет наших работников в то самое крепостное право, когда любой начальник цеха может

своим произвольным решением за любую причину отнять у работника половину заработной платы. Естественно, что никакого реального социального партнёрства мы в этих условиях создать не можем. Поэтому введение базового дохода позволит эти вопросы реализовывать.

Тем самым напомним, что социальное партнерство в реальном выражении, которое было в Финляндии, Швейцарии, других цивилизованных странах, и в России до революции, именно оно приводит к росту заработной платы, и, как следствие, к росту покупательной способности населения. Именно поэтому базовый доход вкуче с реальным социальным партнерством вполне нивелирует, компенсирует те возможные потери по налогам, которые возникнут из-за введения этого базового налога.

И еще есть проблема, которую я пока еще разрешить не могу. Честно говоря, пока не могу сказать, каков будет эффект от введения базового дохода, влияние на рынок труда рабочих мигрантов. Пока не имею ответа по этой проблеме.

Евгений Гонтмахер: Попрошу Александру Юрьевну Левицкую, советника президента, высказать свои впечатления. Сергей, никакого проекта нет. У нас научно-практическая конференция. Это не совещание в правительстве или каком-то министерстве. Это обсуждение идей.

Александра Левицкая: Добрый день, уважаемые коллеги. Во-первых, для себя я так понимаю, что, с одной стороны, это мероприятие – дискуссионная площадка, но оно называется «научно-практическая конференция». Раз она имеет две составляющие, значит, должны быть какие-то практические выводы. Надеюсь, таковые будут сделаны с учетом достаточно высокого представительства специалистов по этой теме.

Теперь хотелось сделать несколько акцентов с учетом выступления коллеги Мареевой, опираясь на него, потому что для меня оно было довольно интересным.

На что хотелось обратить внимание? Когда мы обсуждаем такие вопросы, понятно, что у вас была пленарная часть, и я понимаю, что в основном все сходятся в понимании актуальности обсуждения темы неравенства и бедности. И выступления говорят о том, что это тема актуальная.

В настоящий момент мы с вами обсуждаем этот вопрос применительно не к Финляндии и не к Швейцарии, а с точки зрения того, насколько он актуален для нашей страны, для России. При этом мы должны учитывать определенные исторические аспекты. Если говорить о европейских странах, имея в виду социальное государство, следует помнить, что эти государства сформировались в результате некоего исторического движения. И какие бы страшилки о кризисах нам не рисовали, **нет оснований** предполагать, что эта историческая тенденция развития в сторону социальных государств будет прервана.

Что касается России, все-таки, встречаясь на таком представительном мероприятии, мы должны руководствоваться определенными выбранными направлениями в политике. Таким политическим документом является известный указ президента, где сформулирован ряд взаимоувязанных мер как в экономической, так и в социальной сфере.

С этой точки зрения понятие базового дохода важно было бы рассматривать в увязке, потому что рассматривать его вне связи с подобными решениями было бы, наверное, неправильно.

Говоря о базовом доходе (тут вспоминали историю про монетизацию), я бы хотела напомнить, что необходимо анализировать тот опыт, который мы имеем, и дать ему соответствующую оценку. Мы располагаем опытом, когда наше стремление упростить с точки зрения администрирования, не во всех случаях приводит к тем эффектам, которые ожидаются изначально. Более того, мы ожидаем получить, допустим, определенный положительный социальный эффект, как в случае с монетизацией. Это была во многом придуманная экспертная история, которая получила государственную поддержку. Рассчитывая получить определенный экономический эффект, по факту мы получаем отрицательное социальное мнение по ряду аспектов этой монетизации, и повышенные расходы, которые эту монетизацию сопровождают. Если мы не изучим, что стало основанием, можно сказать, что мы просто неудачно сделали. Но на самом деле это не так. Поэтому нужен содержательный анализ. А подобного содержательного анализа кроме каких-то общих обвинений сделано не было. А если такой анализ не проведен, то довольно бессмысленно двигаться дальше.

Теперь, когда мы говорим о базовом доходе, то в первую очередь должны задаться вопросами... Тут прозвучала цифра, может быть, вы обсуждали ее – какие-то 20 тысяч или сколько-то.

Реплика: Не обсуждали.

Александра Левицкая: Не знаю, сколько тысяч, но все зависит от того, что является основными болевыми точками этого неравенства, и что угрожает существованию самого человека. Например, отсутствие медицинской помощи. Если у нас медицинская помощь вся конструируется качественно, доступно и бесплатно – это одна ситуация. Если она конструируется иным образом, то это совершенно другая ситуация.

Следующий контур. А какие у нас планы по модернизации системы ЖКХ? Готовясь, кто-нибудь вникал в эту ситуацию? А следовало бы вникнуть, потому что у нас там очень большие, грандиозные планы, и достаточно затратные, в том числе в части простого содержания жилища, в котором человек проживает. Соответственно, если мы не определимся с этими планами, то не определимся с наполнением этого

базового дохода с точки зрения того, что он покрывает, и покрывает ли в полной мере. Так можно продолжать дальше.

Мне кажется, очень важно, что определенный опыт у нас есть. У нас есть прожиточный минимум. **Мы уже его не воспринимаем, хотя меряем бедность** применительно к прожиточному минимуму. А насколько и как это воспринимает население – это другой вопрос. Является ли прожиточный минимум этим базовым доходом? В какой-то мере да, в какой-то мере нет, при каком-то наполнении – возможно.

Евгений Гонтмахер: Пенсионеры точно?

Александра Левицкая: Мне трудно судить, потому что если все пенсионеры станут, не дай бог, инвалидами и получают льготное лекарственное обеспечение, то да. А мы понимаем, что этого просто не может быть, это невозможно, а значит, не знаем, в какой мере, потому что эта составляющая не имеет достаточного покрытия в структуре того прожиточного минимума, о котором мы сегодня говорим.

Еще один момент. Все-таки у нас федеративное устройство, и когда мы говорим о базовом доходе применительно к России, было бы правильно обратить внимание на тот факт, что аспекты социальной политики и социальной защиты находятся в компетенции субъектов Российской Федерации. Какое это имеет отношение? Очень существенное, потому что эти факторы, то есть когда будет выстраиваться политика базового дохода применительно к каждому субъекту, то это тоже факторы, существенно влияющие на те аспекты, которые прозвучали в выступлениях. Поэтому с практической точки зрения вопросов достаточно много. Но с другой стороны, как мне кажется, это все не очень бесперспективно, потому что в основе этого подхода мы все равно используем прожиточный минимум. Значит, мы в принципе могли бы делать следующий шаг от прожиточного минимума немножко дальше, но с пониманием его наполнения. Может быть, это обсуждали раньше, но я не слышала о наполнении. Что такое базовый доход, что он должен покрывать, какие потребности.

Людмила Ржаницына: Минимальные.

Александра Левицкая: А это очень серьезный вопрос – вопрос о покрытии минимальных потребностей. Потому что у человека в зависимости от его жизненной ситуации эти минимальные потребности становятся разными. Во всяком случае, поскольку это практическая конференция, мне кажется, надо, Евгений Шлёмович, понять, имеет ли смысл дальше продолжать эту траекторию, или имеет смысл продолжать траекторию Минфина, нацеленную на адресность. Другими словами, дифференциация получается достаточно высокой. Это совсем другая модель. И это очень важный аспект. Хотя я так понимаю, что мы все идем в сторону адресности. Но надеюсь, что адресности справедливой. Спасибо.

Константин Добромыслов: Хочу поблагодарить докладчика Юрия Кузнецова за интересный взгляд на данную проблему. Думаю, правильно сейчас были сказаны слова по поводу распределения экономических ресурсов внутри страны. Они действительно ограничены. Не зря был вспомнен опыт монетизации. И в докладе был правильно поставлен вопрос, каким способом и какой подход должен быть к проблеме неравенства, как оценить субъективно, объективно это неравенство, абсолютное, относительное.

Когда мы говорим о нашей стране, то понятно, что, как правило, у людей это субъективное отношение к неравенству. Человек смотрит на соседа и сравнивает себя со своими предшественниками.

Говоря о профсоюзах и об отношении профсоюзов к этой проблеме, следует задаться вопросом, каково их отношение к базовому доходу в том понимании, которое есть сегодня? Если так рассматривать эту проблему, то по существу это разрушение того социального страхования, которое уже сложилось в стране, то есть всей системы социальной защиты. Почему? Потому что те проблемы, которые предлагается решать базовым доходом, они в принципе решаются и другими способами.

Отсутствие в настоящее время у нас системы страхования от безработицы не означает, что базовый доход необходимо внедрять немедленно. Может быть, нужно подумать, как совершенствовать те механизмы, которые уже есть, что уже было сделано? Может быть, привести существующую систему социального страхования в то состояние, когда она сможет действительно работать и обеспечивать?

Сергей Храмов правильно отметил, что если мы уходим от идеи всеобщности этого базового дохода, то там возникает проблема перераспределения, проблема коррупции. Как только начинают задействоваться группы людей при базовом доходе, то мы сталкиваемся ровно с теми же проблемами, которые сегодня существуют, и никуда от этого не уходим. Поэтому базовый доход в этом случае ровным счетом ничего не решает. А совершенствование тех адресных систем, которые уже существуют, может принести определенный эффект. При этом к нему надо подходить достаточно взвешенно. Почему? Потому что не всегда адресность является экономически обоснованной. Может быть, стоит обратить внимание на общественные фонды потребления. Не всем это нужно. Например, образование. Образование может быть платным и бесплатным. Как идея, раздали сегодня всем деньги по этому базовому доходу, и иди покупай себе образование. Либо мы создали систему бесплатного образования, и тогда уже конкуренция не денег в получении этого образования, а конкуренция знаний, когда человек приходит, сдает экзамены, и за счет этого попадает в какой-то вуз. Что будет эффективнее экономически? Не всегда экономически эффективно раздать каждому по рублю и сказать: «Путь каждый попробует оплатить». То же самое и в отношении

бесплатного проезда в транспорте. Что эффективнее: каждому дать и сказать: «Ты можешь бесплатно ездить на транспорте», или вложить деньги в транспорт и сказать всем, что «Вы все можете пользоваться транспортом бесплатно»? Надо считать. Такой дифференцированный подход во многом должен быть просчитан. И прежде чем проводить эксперименты на людях, все-таки лучше провести математическое моделирование таких систем, и понять экономическую целесообразность этих инструментов. Спасибо.

Людмила Ржаницына: Простите, товарищи, я занимаюсь социальной политикой уже 60 лет и буду говорить неприятные вещи. Что же это мы бежим, задравши хвост? Ведь еще столько нерешенных кардинальных проблем. Мы до сих пор не обеспечили ветеранов труда квартирами. Вы знаете это? У нас 70% школ не имеют хороших туалетов. Вы знаете это? Эта замечательная высшая экономическая школа, которая сейчас готовит всех, даже инженеров и филологов. Но по существу это площадка, где ты можешь высказаться. Давайте думать о том, чтобы делать что-то поэтапно, постепенно, с учетом ситуации. Я только что сдала в Московский департамент по социальной политике посвященную детям программу со своими предложениями о том, что надо сделать для того, чтобы в Москве семьи с детьми жили лучше. Что мне сказали в департаменте? «Я бабло могу и сама распределять», – сказала заместитель директора департамента. Понятно? Потому что наука не для этого существует, а для того, чтобы сделать то или иное мероприятие лучше, результативнее и обоснованнее.

Простой пример. Вы все протолкнули этот изумительный принцип имущественного ценза. Моему приятелю, который недавно родил третьего ребенка, я настоятельно предлагала идти к себе в докторантуру, а он вместо этого третьего родил. На что я ему говорю: «Илюша, теперь у тебя будет такое замечательное пособие, потому что наш мэр перед выборами очень хорошие детские пособия создал». А он говорит: «Ничего подобного. У меня жилплощади (в квартире, которую мне оставили родители) в расчете на одного члена семьи на два метра больше, чем положено».

Предположим, правильно, что надо учитывать имущество, потому что мы от вопросов дохода подходим к вопросам имущества. Это малообеспеченная семья, судя по доходам.

Что должна была сделать наука? Она должна была разработать нормативы стоимости первично необходимого имущества по видам потребности семей. Одно дело, когда у вас есть школьник, у вас девочка и мальчик, и вы планируете квартиру, или у вас есть маленький ребенок, или что-то такое. Это должна делать наука. Тогда мы и будем наукой, а не будем просто государственными служащими, которые формулируют за аппарат некие предложения.

Когда мы говорим о равенстве и неравенстве, надо быть очень обоснованными, когда вводим какие-то системы.

Лилия Николаевна, умоляю вас, давайте будем разрабатывать стоимость нормативов первичного необходимого имущества, еще с учетом структуры потребления этого имущества. А я еще опираюсь в этом смысле на высказывание президента (которому какой-то умный человек написал): «Надо определить стоимость первично необходимого имущества, когда мы говорим о компенсации за стихийные бедствия». Тут возник этот вопрос. Но почему мы говорим об этом в отношении стихийных бедствий, но не думаем в гораздо более серьезном вопросе – социальной помощи.

Евгений Гонтмахер: Когда мы обсуждали структуру нашей дискуссии, мы понимали, чему будет посвящена первая (пленарная) сессия конференции. Наше пленарное заседание – это постановка вопроса: что это такое, с чем это едят. Вторая сессия – это наши зарубежные коллеги, у них действительно есть опыт. А по данной панели, посвященной неравенству, у нас были некоторые споры. Про следующую четвертую пенсионную я не говорю. Мы все понимаем ее актуальность, там много чего интересного. А неравенство – это действительно сложная материя, сугубо гуманитарная. Это ощущение несправедливости, которое существует, которое фиксируют любые социологи, и не только в России. В развитых странах есть проблема, когда, допустим, нынешние поколения среднего класса не могут достичь того уровня жизни, как жили их родители. Все это связывается с проблемами распределения.

С другой стороны, вопрос заключается в конкретных цифрах. И здесь мы начинаем спотыкаться, если речь идет, допустим, о России. Есть коэффициент Джини, фондовый коэффициент и другие. Но есть расчет Credit Suisse по дифференциации по накопленному имуществу. Небесспорно, потому что статистика очень неполная, но показывает, что в России неравенство по накопленному имуществу вообще рекордное. Если по коэффициенту Джини мы не самые лучшие, но драматически мы не отличаемся от тех же Соединенных Штатов, то здесь ситуация намного более острая.

Мы должны учитывать доступ к услугам образования, здравоохранения. Мы недаром обсуждаем вопрос о том, что, допустим, для пожилого человека пенсия не имеет такого значения, как доступ к медицине. Потому что это связано с его личными особенностями. Или возьмем людей в предпенсионном возрасте, которые копят себе на будущую пенсию. Они заинтересованы часть своих будущих пенсионных прав потратить на переквалификацию, и получить специальность, больше поработать и получать хорошую заработную плату.

Но проблема неравенства имеет гуманитарный аспект, который понятен всем, причем обеспокоенность этой проблемой глобальна. Но если мы полагаемся только на определенные расчеты, то можно очень легко ошибиться в ту или другую сторону. Поэтому базовый доход, как мне кажется, как идея появилась из ощущения

глобального неравенства, которое в общественном мнении развилось довольно давно, и с этим надо что-то делать, как-то этот инструмент пощупать.

Почему идут эти многочисленные и очень разные эксперименты? В России неработающий пенсионер не может получать ниже прожиточного минимума территории, на которой он проживает. Причем разницу, если необходимо, доплачивают местные бюджеты. Чем не элемент базового дохода?

Или мы приравняли минимальную заработную плату к прожиточному минимуму. Я не обсуждаю, что такое прожиточный минимум, это отдельный вопрос. Но что это означает? У нас должны быть некие социальные гарантии, которые легко совмещаются с идеей базового дохода.

Вопрос второй. Мы его обсуждали и на предыдущих сессиях, и сейчас. Целесообразна ли глобальная адресность социальной защиты, о которой как о мантре у нас говорит Минфин? Лилия Николаевна Овчарова сделала с коллегами очень хорошую работу по социальной защите, в которой показано, что далеко не все можно перевести на адресность, которую можно пощупать: «Ты бедный, тебе даем. А ты не бедный, тебе не даем». Поэтому дискуссия вокруг базового дохода – это, с моей точки зрения, продукт обостряющейся ситуации с неравенством. Эту сущность необходимо сейчас ограничить, очертить, понять, где она действительно имеет практическое значение.

В своем докладе я сказал, что не дай бог ввести базовый доход сразу на всю страну. Мы получим многочисленные проблемы. Но нужно ли это делать постепенно? Тем более, что у нас уже есть элементы базового дохода. Кроме тех, о которых я сказал, нельзя не обратить внимания на бесплатное здравоохранение, школьное обучение. Это натуральный базовый доход, просто он так никогда не назывался.

Но очень важно перед тем, как переходить к практике, разработать методику, позволяющую понять, с чем мы имеем дело, где граница рациональности и иррациональности. И тогда, думаю, мы действительно сделаем что-то для социальной политики. Это принципиально важно. Потому что базовый доход, как мне кажется, заходит и в пенсионную сферу, и сферу социального обеспечения, и здравоохранения, образования, и так далее.

Коллеги, у нас сейчас небольшой перерыв, а потом будет, как мне кажется, очень интересная сессия, посвященная пенсионным вопросам, на которой выступят Евгений Львович Якушев, Юрий Викторович Воронин.

Панель III: Базовый доход и развитие пенсионных систем

Оксана Синявская: Еще раз приветствую всех участников конференции. Мы начинаем последнюю сессию, которая будет посвящена базовому доходу и будущему пенсионных систем. Почему мы выбрали этот ракурс? С одной стороны, пенсионная система – это крупнейшая по охвату и финансированию государственная программа. С другой стороны, не успели все поволноваться и пообсуждать вызовы пенсионным системам, которые ставит демографическое старение, как появился новый вызов, связанный с постиндустриальным развитием и новой технологической революцией. Автоматизация и роботизация позволяют отчасти смягчить проблемы, которые ставит старение перед государственными финансами. Однако мы все понимаем, что роботизация также подрывает будущее пенсионных систем, потому что, по сути, сокращает базу для уплаты страховых взносов. И в каком направлении будет меняться пенсионная система, чтобы ответить на эти вызовы, и, с одной стороны, не стать непосильным бременем для государственных финансов и экономики, а с другой стороны, остаться важной частью благосостояния населения и быть комфортной для людей, гарантировать защиту от бедности в старости, – эти вопросы до сих пор везде, не только в России, но и в мире, остаются открытыми. И здесь две дискуссии – о будущем пенсионных систем и о новом элементе социальных государств как базовый доход, – сходятся. С одной стороны, все дебатировать, есть ли будущее у страховых моделей пенсионных систем в XXI веке, с другой стороны, обсуждение концепции базового дохода ставит вопрос о том, какая роль этому базовому доходу может отводиться в трансформации модели пенсионной системы: заменит ли базовый доход пенсионную систему, или это будет новый элемент, защищающий от рисков бедности, наряду с которыми могут сохраняться страховые пенсионные системы и появляться какие-то другие элементы новых пенсионных систем. Об этих вопросах, развилках, которые ставит идея базового дохода перед будущим пенсионных систем, мы поговорим в рамках этой сессии.

Я очень рада тому, какая представительная аудитория у нас здесь собралась, и в лице докладчиков, и в лице дискуссионщиков, и представителей ключевых ведомств, которые за это отвечают. Думаю, все это гарантирует нам очень интересную дискуссию.

Сейчас я бы хотела предоставить слово первому докладчику Евгению Львовичу Якушеву, исполнительному директору негосударственного пенсионного фонда «САФМАР».

Евгений Якушев: Прежде всего, большое спасибо за возможность выступить. Мои соображения связаны с нашей дискуссией, которую мы организовали какое-то время назад в НИИ труда. Евгений Шлёмович и Юрий Кузнецов принимали в ней участие. Поэтому некоторые идеи прозвучали еще там.

Нынешняя пенсионная система построена по принципу перераспределения средств между поколениями. Ее называют *pay as you go*, или в переводе «плати, пока идешь». Но, наверное, ее также надо называть «получай, пока живешь». В мире происходит – все это знают и видят – процесс старения населения. Люди не умирают от старости, а умирают от болезней, которые связаны с возрастными изменениями, и с этой точки зрения колоссальное количество ресурсов сейчас вкладывается в поиски лекарств от старения, в изучение механизмов старения, и борьбы с ними.

К чему это приведет? К увеличению продолжительности жизни. Так привело к росту продолжительности жизни изобретение пенициллина и целого ряда лекарств в XX веке. Соответственно, нужно говорить не только об увеличении продолжительности жизни, но и об увеличении продолжительности здоровой жизни. С этой точки зрения надо говорить о том, что старение плюс активное долголетие и активная медицина приведут к росту продолжительности жизни. Текущие исследования и инвестиции в этот сектор говорят о том, что очень скоро можно ожидать прорыва. Старение – это основная угроза для пенсионных систем. Именно с этой точки зрения увеличение скорости старения увеличит нагрузку на пенсионную систему.

Риторический вопрос: можно ли остановить прогресс? В этой связи у нас, ко всему прочему, меняется левая половина этой модели *pay as you go*, то есть меняется рынок труда, исчезают определенные профессии, и развитие технологий автоматизации приводит к сокращению занятости в традиционных отраслях. Одновременно с этим технологические компании зарабатывают уже не на людях, а на технологиях. На этом слайде приведена последняя статистика по выручке на одного работника. Мы видим, что выручка компании растет быстрее, чем фонд оплаты труда (ФОТ). С этой точки зрения характер труда и база для пенсионного страхования сильно меняется.

Солидарная пенсионная система как раз сейчас находится под двойной угрозой. С одной стороны, сокращение доходов пенсионной системы вследствие снижения официальной занятости, сокращения базы для страховых взносов. С другой стороны, рост расходов. И единственное параметрическое изменение, которое можно сделать, – это изменить соотношение работающих пенсионеров. Это можно сделать путем увеличения возраста, изменения стажевых характеристик, параметрических измерений.

Это и было сделано. Россия провела параметрическую реформу, изменила пенсионный возраст, и это не является пенсионной реформой, потому что непонятно, что делать дальше. Все угрозы, которые были, сохраняются.

Если говорить о модели пенсионной системы, то она у нас состоит, с одной стороны, из страховых взносов, с другой стороны, из трансфертов федерального бюджета в пенсионную систему. И на сегодняшний день доля федерального бюджета составляет значительную часть доходов пенсионной системы.

Если посмотреть на эти тенденции, то мы видим, что, например, индексация пенсии теперь зависит от возможностей федерального бюджета. И мы имеем практический пример прошлого года, когда индексация не была проведена, а была заменена разовой денежной компенсацией.

С этой точки зрения негативные процессы на рынке труда будут снижать долю страховых взносов, поступающих в пенсионную систему, а расходы на выплату пенсий будут расти.

Следующий слайд. Мы понимаем, что налоговые поступления в федеральный бюджет занимают достаточно высокую долю в расходах пенсионной системы. Если просто посчитать баланс, то без трансфертов, без моратория на накопительную пенсию страховая пенсия составляла бы 7-8 тысяч рублей, если бы все доходы пенсионной системы направлялись на выплату пенсий. И, наоборот, для того чтобы обеспечить текущие выплаты пенсионерам без задействования ресурсов федерального бюджета, тариф должен составлять 34-36% от ФОТ.

На этом графике показаны эффекты от реализации реформ. Мы видим, например, что заморозка накопительной пенсии привела к сокращению трансфертов из федерального бюджета, но потом уровень трансфертов возрос. Собственно говоря, мы демонтировали один из элементов многоуровневой пенсионной системы, но это не обеспечило долгосрочного эффекта.

В целом, мне кажется, пенсионную систему можно сравнить с некой машинкой. Бисмарк изобрел мощную сильную паровую машину, которая, уверен, долго могла бы работать. Но после этого в этой машинке провели колоссальное количество изменений. Она стала радиоуправляемой, как какая-нибудь Tesla, потом ее отдали в песочницу, а сейчас ее фактически разобрали.

Необходимо также отметить, что коэффициент замещения неодинаков по стране. Если мы посмотрим, то по уровню доходов мы видим разные цифры по регионам. С этой точки зрения коэффициент замещения, который можно посчитать как соотношение заработной платы к пенсии, тоже разный. В этой связи мы видим, что пенсионная система в целом, с одной стороны, для значительно количества людей обеспечивает достаточно высокий доход, с другой стороны, сохраняется проблема неравенства и отсутствия справедливости (вопрос, который обсуждали на предыдущей сессии).

В следующей картинке можно видеть модель организации пенсионной системы. Если считать XIX век изобретением, то в XX веке мы занимались внедрением пенсионной системы, базирующейся на принципах перераспределения средств между поколениями.

Вначале XXI века экономисты-пенсионщики договорились, что трехуровневая пенсионная система – перераспределительная, обязательно накопительная и добровольные пенсионные сбережения – является оптимальной моделью, и

диверсифицированная база формирования пенсий – это достаточно правильная концепция. Но мы также помним, что у нас есть социальная пенсия – нулевая колонна, для тех людей, которые не участвовали в первой колонне. С этой точки зрения, по моей оценке, сейчас очень сложно понять, куда же реформировать пенсионную систему. И с этой точки зрения возможным сценарием является замещение пенсий базовым доходом. Это может быть следующей парадигмой организации пенсионного обеспечения.

На сегодняшний день у нас есть страховые пенсии и социальные пенсии. При этом страховые пенсии на 40% финансируются за счет федерального бюджета, который выплачивает пенсии примерно 15-18 миллионам человек. То есть он является источником. По большому счету, это означает, что у нас пенсионная система перестала быть страховой, и она фактически идет за счет перераспределения других источников налоговых поступлений. В этой связи у нас также у некоторых людей есть накопительные программы, сформированные по третьей колонне.

Я не призываю к введению базового дохода, но модельно можно предположить, что пенсионная система может выглядеть как пенсионное пособие, которое будет финансироваться за счет бюджета. Мы обеспечим финансирование пенсий за счет перераспределения общих налогов. Тем самым мы решим проблему изменения характера занятости на рынке труда, снижения базы страховых взносов. Кроме прочего, мы снижаем затраты на администрирование учета пенсионных прав и назначение пенсий. Да, остается спорным вопрос, какой должен быть размер этого пенсионного пособия, но, в любом случае, он должен обеспечивать приемлемый уровень жизни. Кроме того, размер базового дохода должен определяться исходя из особенностей и возможностей его места жительства, потому что у нас разная экономическая ситуация по регионам. В этом случае, в этой модели получается, что дифференциация пенсионных доходов может быть обеспечена за счет участия в индивидуальных пенсионных программах, организованных на накопительных принципах. В этой связи возникают вопросы, где поставить этот треугольничек. Если это будет пенсионный возраст, то это пенсионное пособие. Если его сдвинуть влево до 18 лет, то эта концепция трансформируется в универсальный базовый доход.

У нас есть фундаментальные проблемы в организации пенсионной системы. Не работают базовые принципы страхования, эквивалентность уплаченных страховых премий и выплат. Мы понимаем, что в рамках пенсионного страхования как части социального страхования осуществляется перераспределение средств от высокооплачиваемых категорий к менее обеспеченным, поэтому понятие «эквивалентность» здесь заменяется на «сопоставимость между уплаченными взносами и выплатами». При этом у нас есть высокое перераспределение налоговых поступлений в бюджет пенсионной системы, и тем самым нарушается взаимосвязь между взносами и пенсиями.

Несмотря на то, что связь между взносами и пенсиями фактически есть, но она как бы уменьшилась, мы продолжаем сохранять затраты на учет поступивших взносов накопленных пенсионных прав, и потом трансформацию их в расчет размера пенсии. И по факту мы имеем плоский слабо дифференцированный размер пенсионных выплат, который в целом решает задачу обеспечения минимального прожиточного минимума. Если посмотреть на размер страховой пенсии без учета фиксированной надбавки, то он почти сопоставим со средним размером социальной пенсии.

Пенсия утрачивает страховые принципы, в большей степени зависит от уровня жизни в регионе и возможности для распределения общественных доходов.

Сохранение текущих тенденций, если ничего не менять, приведет к тому, что дифференцированные страховые пенсии трансформируются в пенсионные пособия, основным источником которых будут налоговые поступления. И общественный спор будет об уровне этого пенсионного дохода.

Спасибо большое.

Мне кажется, когда мы начинаем обсуждать базовый доход, все примеряют его к сегодняшним реалиям. Скорее всего, базовый доход будет вводиться не как некий политический компромисс, консенсус в обществе, а он может возникнуть как следующая модель организации пенсионного обеспечения. И если будет принято решение, например, что через 100 лет пенсии будут таким образом организованы, тогда мы получим, с одной стороны, вектор для пенсионной реформы, с другой стороны, обсуждение пенсионного дохода может быть сразу трансформировано в сторону универсального базового дохода, и тогда будут ясны влияние и все аспекты, связанные с внедрением, они как раз получают некую базу для обсуждения. Спасибо.

Людмила Ржаницына: То есть пенсий не будет?

Евгений Якушев: Пенсии будут всегда, но они будут маленькими и несправедливыми.

Оксана Синявская: Спасибо большое, Евгений Львович. Предлагаю выслушать вначале все доклады и дискуссионные, и после этого, думаю, у нас будут разные точки зрения для очень плодотворной дискуссии.

Антон Валерьевич Табах, главный экономист рейтингового агентства «Эксперт РА», доцент НИУ ВШЭ.

Антон Табах: Уважаемые коллеги, во-первых, спасибо за возможность выступить. Как нередко бывает на экспертных обсуждениях, выяснилось, что, мнения участников в основной мере сходятся, и разница скорее в деталях.

По основным пунктам выражу согласие с Евгением Львовичем. Моя презентация скорее не об анамнезе проблем, а о тех вопросах, которые надо решать, чтобы новая система перераспределения доходов была устойчивой, и чтобы ее хватило

для полного замещения традиционных пенсионных систем, которые только сейчас – а по меркам пенсионных систем «сейчас» означает пара десятилетий – вошли в кризисное состояние во многих странах.

Основная проблема состоит в том, к какой пенсионной системе мы будем переходить, и в какой форме произойдет этот переход. В зависимости от этого мы можем получить кардинально отличный результат. Один из вариантов пенсионной системы, построенной на базе безусловного дохода, – «строительство коммунизма»... Некоторые из здесь присутствующих помнят лозунг «Новое поколение советских людей будет жить при коммунизме» – в этом варианте получилась некоторая задержка. В описаниях своих сторонников «мир базового дохода» вполне соответствует признакам развитого коммунистического общества. Хватит ли ресурсов для распределения в такой системе? Другая радикально отличная альтернатива – современная версия «Диккенсовской» системы социального обеспечения, которая в свое время считалась вполне образцовой и соответствовала институциональным взглядам того времени. Минимальный паек, достаточный для выживания, но не для минимально достойной жизни – на большее зарабатывай сам или находи средства иными способами. Наконец, это «смерть среднего класса» и разделенное общество, о котором любят писать экономисты левых взглядов, – если объемы базовых выплат не будут дотягивать до минимально приемлемых.

Скорее всего, введение базового дохода начнется как замена системы пенсий по возрасту, а потом «стрелочка» доступа будет постепенно сдвигаться вниз по возрастной шкале. Роль труда уменьшается, значимость фондов оплаты труда как источника налогов на труд сужается, а роль налогов из других источников постепенно увеличивается.

Оно и понятно, потому что мы сейчас в той стадии, когда идея является достаточно новой, и в тумане видятся только некоторые ориентиры

Поэтому надо смотреть на развилки в новой пенсионной системе, которая в перспективе, станет базой для безусловного дохода. Причём смотреть с разных точек зрения.

Для бюджета, это вопрос выбора притязаний, и зависит от выбора формата. Какой будет размер выплаты: единый или вариативный? Как будут возникать пенсионные права? Будут ли это те же правила, что и в нынешней пенсионной системе с поправкой на возраст, либо вводятся дополнительные критерии? Будет ли региональная составляющая? Движение в этом направлении уже идет. В рамках дискуссии этой осени об изменении пенсионного возраста, например, обсуждается, что в Москве сохраняют пособия для неработающих предпенсионеров, которые, соответственно, имели бы право на пенсию по старым правилам. Насколько эта идея трансформируется в закон, вопрос большой, но это будет экспериментом в регионе, который может себе это позволить. Вопрос для налоговой системы, если у

нас доля труда падает, и возможность обкладывать ФОТ снижается, появляется большее разнообразие занятости, соответственно, за счет чего, какие налоги и какие ресурсы использовать?

Администрирование: Кто будет этим заниматься? Как это будет соотнесено с системой проверки нуждаемости? Потому что с одной стороны базовый доход, с другой стороны, все ли должны иметь право его получать, даже в рамках пенсионной системы? Международный опыт очень разный. Есть страны, которые имели проверку нуждаемости, но потом отказались по причине ее дороговизны и бессмысленности. Есть, наоборот, те, кто все больше и больше сдвигается в сторону пенсионного самообеспечения. Ключевой вопрос, сколько будет тех пенсионеров или получателей базовых доходов, которых нужно будет отсекал от «общего котла»?

Как будет устроена индексация, по каким критериям: по прожиточному минимуму, по доходам, по каким-то еще критериям?

Что делать с работающими пенсионерами? Понятно, что в рамках базового дохода эта концепция изменится существенно. Что делать с нетрадиционной занятостью и самозанятостью разных видов? Что будет ориентиром базового дохода, и какие уровни заработной платы? Больше вопросов, чем ответов.

Если уровень пенсионного пособия будет единым, то, скорее всего, это будет неким ориентиром для производителей, для ритейлеров, для поставщиков услуг, и понятно, что это будет самовоспроизводящийся механизм. С одной стороны, это будет задавать ориентиры, с другой стороны, от этих ориентиров будет плясать бизнес, ориентированный на потребителя. Наконец, финансовое поведение. В научной литературе, есть масса противоположных мнений, как переход на более единое или не слишком отличающееся пособие повлияет на финансовое поведение людей. Как это повлияет на кредитное поведение, стоимость активов и вообще инвестиции? То есть насколько люди и так склонны недооценивать будущие риски и склоны жить, пока есть возможность? Дизайн базового дохода и новой пенсионной системы окажет существенное влияние не только на экономику, но и на общественное устройство. Нас ждет большое количество экспериментов, в том числе и неудачных, на эту тему. Поэтому не надо пытаться создать сферического коня в вакууме, как часто бывает с новыми идеями, а наоборот создавать практику, моделировать, заимствовать зарубежный опыт, и пытаться выбрать инструментарий нового общественного договора. Большое спасибо. Надеюсь, будет продуктивное обсуждение.

Оксана Синявская: Спасибо большое, Антон Валерьевич.

До открытия общей дискуссии хотела бы предоставить слово Юрию Викторовичу Воронину, заведующего Центром правового обеспечения социально-экономических реформ

Института законодательства и сравнительного правоведения. Уверена, что нас ждет альтернативный взгляд, и очень интересный, на поставленный вопрос.

Юрий Воронин: Спасибо. Но сначала – не считайте за фигуру речи – благодарность ВШЭ. Вышка на высоте, в том смысле, что организовано очень своевременное обсуждение, и надо не запаздывать, ведь такого рода явления надо пытаться осмысливать на их самом подходе к России. Хотя понятно, что для нас это не вопрос ближайших лет. Тем не менее, мысль должна работать, идея должна появляться, обсуждение должно идти.

Замысел введения безусловного базового дохода (далее – ББД) возник достаточно давно. Нечто похожее на нынешний ББД (выплата от государства в одинаковом для всех размере без каких-либо условий предоставления) предлагались Томасом Мором в XV веке, Джоном Локком в XVII веке, Николя де Кондорсе и Томасом Пейном в XVIII веке, Джоном Стюартом Миллем в XIX веке.

Один из «отцов-основателей» США Томас Пейн в своей книге «Agrarian Justice» в 1795 г. писал о том, что гражданину страны должна принадлежать доля в национальном производстве, таким образом, чтобы каждый мог регулярно получать часть от общего государственного дохода.

Прообразы ББД можно увидеть в научных трудах выдающихся экономистов Джеймса Мида, Милтона Фридмана и Фридриха Хайека.

В 1943 г. концепция фактического введения ББД была практически одобрена парламентом Великобритании, но в итоге победила система социального обеспечения, основанная на идеях Уильяма Бевериджа – привычные нам выплаты, размер которых зависит от стажа, зарплаты и т.д.

В 1985 г. канадское либеральное правительство пыталось ввести ББД в виде так называемого отрицательного налога (negative income tax), но затея провалилась, поскольку консерваторы в парламенте посчитали, что государству она обойдётся слишком дорого.

Ни одна попытка каким-то образом реализовать идею ББД в масштабах государства пока не была осуществлена. Зато было проведено несколько интересных и показательных социальных экспериментов, о ряде которых шла речь на данной конференции.

В настоящее время наиболее активно продвигают и обосновывают концепцию ББД Николас Барр, Аллан Шиахен, Манфред Фюльзак, Даниэль Штрауб, Освальд Сигг, Энно Шмидт, Гётц Вернер, Скотт Сантенс.

Что из себя представляет ББД?

Некоторые современные исследователи темы ББД, особенно отечественные, пытаются свести эту идею к роли, выполняемой в настоящее время в нашей стране прожиточным минимумом (только в модернизированной, улучшенной форме).

Однако по замыслу его идеологов, ББД – это не новый, более современный прожиточный минимум и это, отнюдь, не адресное социальное обеспечение с учётом нуждаемости конкретных граждан (семей или домохозяйств), предлагаемое взамен всеобщего социального обеспечения.

ББД – это принципиально новый, если хотите, революционный подход к социальной защите. И ключевое значение в понимании сущности ББД имеет слово «безусловный», то есть предоставляемый без предъявления к человеку условий, по крайней мере, ранее применявшихся при установлении тех или иных видов социальной защиты.

Мы привыкли к тому, что меры социальной защиты предоставляются не каждому члену общества (при нормальной ситуации человек трудится и своим трудом зарабатывает себе на жизнь), а только лишь тому, кто оказался в аномальной жизненной ситуации, обуславливающей необходимость в применении к нему той или иной меры социальной защиты (обеспечения, помощи или поддержки). Такие ситуации связаны с утратой источника средств к существованию, возникновению расходов чрезвычайного характера и т.п. Обычно причиной утраты трудового дохода, обеспечивающего жизнедеятельность человека и членов его семьи, является потеря им полностью или частично, постоянно, длительно или временно своей способности к труду (трудоспособности). Вот это и есть классическое понимание оснований для социальной защиты населения.

Характеризуя ББД необходимо определить четыре позиции:

- цель обеспечения;
- круг обеспечиваемых лиц;
- размер обеспечения;
- источник финансирования.

Принципиальное отличие концепции ББД от других подходов состоит в том, что материальное содержание предоставляется любому человеку, отвечающему самым общим требованиям (например, являющимся гражданином конкретной страны), вне зависимости от его трудоспособности.

Почему? Потому что у ББД совершенно иное целеполагание, чем у классической социальной защиты (далее – КСЗ). КСЗ призвана компенсировать объективные дефекты трудовых отношений – потеря трудоспособности вследствие различных жизненных обстоятельств (болезнь, инвалидность, старость и т.п.) или недостаточность обычного заработка для покрытия возникающих расходов на социальные нужды (необходимость оплаты лечения или постоянного постороннего ухода).

ББД же, по своему изначальному замыслу, призван компенсировать кардинальное изменение роли труда в жизни людей. Если в доиндустриальном и индустриальном обществе труд являлся источником жизнеобеспечения человека, то после четвёртой

промышленной революции, в современном постиндустриальном обществе сфера труда не просто сужается под воздействием роботов, автоматов, искусственного интеллекта, нейронных сетей и прочих достижений научно-технического прогресса, вытесняющих человека из производства продукции, а перестаёт быть источником основного дохода для человека. Роботы всех типов и мастей медленно, но верно вытесняют человека, которому для полноценной жизнедеятельности необходимо чем-то заниматься, из сфер, где работа носит хорошо оплачиваемый характер, в общественные сферы, где занятия людей либо оплачиваются существенно ниже, либо вообще носят сугубо общественный (бесплатный в денежном отношении) характер (например, в волонтерство).

Всё это формулирует перед современным обществом абсолютно новый вызов – создание условий к тому, чтобы труд перестал быть для человека средством существования, а превратился бы в род занятий (если хотите, в своего рода развлечение), который люди могли бы выбирать по влечению своей души, без оглядки на заработную плату. Фактически складывается ситуация, о которой так неистово и страстно мечтал известный американский юрист Боб Блэк в своей известной статье «Упразднение работы». И эта трансформация роли труда в жизни человека требует принципиально иной системы социальной защиты (обеспечения). В качестве прообраза такой новой системы социальной защиты мы и должны рассматривать идею ББД.

Таким образом, можно выделить три сущностных признака ББД:

- цель ББД не в предоставлении человеку источника средств к существованию (компенсации утраченного заработка), а в обеспечении ему свободы выбора занятий, поскольку человек, лишенный занятий (дел), деградирует в интеллектуальном и моральном отношениях, десоциализируется;
- материальное обеспечение предоставляется человеку вне зависимости от состояния его трудоспособности, а если его доход (источник средств к существованию) не соответствует установленному в обществе жизненному стандарту;
- материальное обеспечение не имеет дифференциации по своей величине, поскольку у него нет какой-либо связи с прошлым трудовым доходом человека (нечего компенсировать).

По своему субстантивному наполнению концепция ББД восходит к идеям К. Маркса о коммунистическом обществе, где каждый трудится согласно своим способностям, а от общества получает по своим потребностям, то есть, где нет прямого эквивалента между характером труда и получаемым материальным обеспечением.

Постепенно происходит изменение всей жизненной мотивации человека. Если сейчас принято считать, что уровень социальной защиты не должен быть значительным, чтобы не снижать мотивацию человека к труду (согласно п. 22

Рекомендации № 67 МОТ «Об обеспечении дохода» страховые пособия должны заменять утраченный заработок, с надлежащим учетом семейных обязанностей, до такого предела, который возможен без ослабления стремления возобновить работу, если это возобновление возможно, и без возложения на группы производителей такого тяжелого бремени расходов, которое мешало бы выпуску продукции и занятости), то идеология ББД принципиально иная – если высокооплачиваемый труд – это удел избранных, то остальным членам общества должна быть обеспечена возможность работать без оглядки на заработную плату либо не работать вообще, а заниматься, например, свободным творчеством для самореализации. Таким образом, материальное обеспечение в концепции ББД уже не является прямым конкурентом вознаграждению за труд.

Безусловно, ББД – это минимум (стандарт жизнеобеспечения), но принципиально (качественно) иной. ББД должен обеспечить человеку не возможность физического выживания, а полноценную, достойную жизнь. Поэтому понятно, что ББД это удел развитых стран по своему экономическому положению, где уровень налогов позволяет профинансировать государству соответствующие выплаты из бюджета.

Хотя профессор Лондонской школы экономики Николас Барр в своей статье «Shifting Tides» (Finance & Development, December 2018, Vol. 55, № 4) справедливо обращает внимание на то существенное обстоятельство, что ББД, искажая распределение в сторону снижения доходов, поскольку получатели универсального обеспечения будут превосходить численность оплачивающих это обеспечение налогоплательщиков, что неизбежно увеличит фискальное бремя на общество, тем не менее, содержит в себе и механизм балансировки этой финансовой нагрузки. Если машины, управляемые искусственным интеллектом, повышают темпы роста и, следовательно, расширяют налоговую базу, то фискальные ограничения реализации проекта ББД могут значительно ослабнуть.

Является ли идея ББД новым направлением в развитии пенсионных систем?

В очень отдалённой перспективе ББД может заменить собой пенсии для значительной части людей, но не для всех. Люди, занятые высокооплачиваемым трудом, очевидно, предпочтут пенсию, компенсирующую утраченный ими заработок, а не одинаковый для всех ББД.

Мы не можем знать наверняка, заменит или не заменит ББД собой пенсии, но в любом случае идти к этому будущему нам придётся очень долгим эволюционным путём, развивая существующие сегодня модели пенсионного обеспечения. Иначе говоря, ББД не даст нам ответа на вопрос: что же нам сегодня или завтра делать с пенсионными системами?

КСЗ – это система, основанная преимущественно на механизме обязательного социального страхования (далее – ОСС). Возможные, более эффективные, альтернативы системе ОСС ищут в мире давно. В 80-х годах прошлого века на какое-

то время показалось, что такой альтернативой может стать переход на индивидуально-накопительную систему (взамен солидарно-распределительной системы ОСС), но практика выявила существенные уязвимости накопительного механизма финансирования пенсий, которые позволили Томасу Пикетти в своём фундаментальном исследовании «Капитал в XXI веке» обоснованно заявить, что при всей привлекательности пенсионных накоплений, связанных с более высоким ростом доходности на финансовых рынках по сравнению с темпами роста заработной платы в странах мира, неустранимые конструкционные изъяны данной системы не позволяют отказаться от системы ОСС.

Сейчас в качестве альтернативы ОСС некоторые экономисты выдвигают систему государственного социального обеспечения с учётом нуждаемости (далее – ГСО). Однако в этом подходе нет ничего нового – таким путём еще с конца XIX века пошёл ряд англо-саксонских государств (Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и др.), которые формировали свои пенсионные системы параллельно со странами континентальной Европы, воспринявшими идеологию Бисмарка об ответственности за социальное обеспечение работника не стороны государства и не со стороны самого работника, а со стороны предпринимателей (через систему ОСС), использующих для своего бизнеса рабочую силу. Практика показала, что главным изъяном англо-саксонской модели пенсионного обеспечения является высокий процент бедности среди пенсионеров, который образуют низкооплачиваемые работники (по сравнению со странами, применяющими модель ОСС).

ГСО, построенное на принципах адресной помощи и оценки нуждаемости, имеет и другие существенные недостатки. К ним относятся: неэластичность порогов отсека от обеспечения, высокие административные издержки на функционирование подобной системы, большая сложность установления критериев для предоставления адресной помощи, которые были бы объективными и прозрачными.

Направленность социального обеспечения исключительно или преимущественно на бедных изолирует другие незащищенные домашние хозяйства и может привести к негативным последствиям для их развития.

Кроме того, избирательный подход к социальному обеспечению не соответствует Уставу ООН, Декларации тысячелетия, Всеобщей декларации прав человека, в соответствии с которыми все люди имеют равное право на минимальный уровень жизни, включая питание, жилище, одежду, образование и социальное обеспечение.

Во время финансово-экономического кризиса важно расширять, а не сужать социальные инвестиции, а адресная социальная защита фактически представляет собой сокращение охвата населения социальными трансфертами. Жизненная необходимость поддержки домашних хозяйств в трудные времена и повышения доходов людей с целью стимулирования социально-экономического восстановления требует использования не избирательного, а, напротив, всеобщего

подхода к организации социального обеспечения и расширения универсальных выплат (прежде всего, для семей с детьми, пожилых лиц, лиц с ограниченными возможностями и других категорий граждан).

Не случайно, что МОТ очень настороженно относится к адресности. Одно дело, когда в той или иной стране никогда не существовало КСЗ и эта страна впервые вводит какую-то систему социального обеспечения, пусть для начала и только адресную. И совсем другое дело, когда страна в целях экономии бюджета переходит с универсальной (всеобщей) системы социального обеспечения на адресную (избирательную). МОТ считает, что такой подход неизбежно снижает уровень социальной обеспеченности людей.

А есть ли перспективы для развития системы ОСС? Вопреки распространённому мнению, уязвимость солидарно-распределительного финансового механизма заключается не в старении населения, а в снижении прежних темпов роста заработной платы, которые на протяжении всего XX века позволяли успешно купировать демографические перепады.

Снижение темпов роста фонда оплаты труда (далее – ФОТ) можно временно компенсировать повышением пенсионного возраста, но это не решает проблему, не устраняет причины кризисных явлений. Повышение пенсионного возраста не сможет заменить поиска дополнительного, но обязательно самостоятельного, источника формирования пенсионных фондов. По моему мнению, таким источником может стать часть прибыли предприятий, поскольку от снижения ФОТ или от отсутствия его надлежащего роста выигрывает предприниматель, увеличивая свою прибыль. В этой связи целесообразно установить прямую зависимость: если ФОТ на конкретном предприятии не вырос за календарный год на определённый процент, требующийся для нормального развития пенсионной системы, тогда предприниматель обязан компенсировать отсутствие такого роста из своей прибыли.

Высказанную идею можно реализовать, если, конечно, общество готово сохранить ответственность предпринимателей (работодателей) за материальное обеспечение своих наёмных работников. А если оно не согласно, тогда в порядке выработки нового общественного договора придётся решать, на кого данную ответственность перекладывать: на государство, на самого работника или на них солидарно. Вот в этом и будет состоять вектор дальнейшего развития КСЗ.

Повышение пенсионного возраста, которое производится повсеместно в мире, ставит перед нами задачу переосмысления содержания страхового случая в пенсионном страховании. До настоящего времени страны, применяющие модель ОСС, признают (по крайней мере, формально) в качестве страхового случая потерю работником своей трудоспособности вследствие старости или инвалидности. Однако повышение пенсионного возраста, осуществляемое исходя из роста периода получения пенсии, а не оценки объективного возраста утраты работником

трудоспособности, как это следовало бы из признанного страхового случая, кардинально его искажает. Современные пенсионные системы, повышающие пенсионный возраст под воздействием финансового фактора, фактически переходят в отношении пенсии по старости от страхования утраты трудоспособности к страхованию жизни (дожитию до определённого возраста).

Страхование жизни осуществляется вне рамок ОСС, поскольку не имеет связи с трудом, не носит социального характера. Страхование своей жизни должен осуществлять сам работник (а не его работодатель), тариф должен быть тогда дифференцирован в зависимости от степени вероятности дожития каждого конкретного человека до установленного государством возраста, базой для страхования жизни должна быть не только заработная плата человека, но и все виды его доходов. Но этот путь – это тоже путь отказа от ОСС и замены его на личное коммерческое инвестиционное страхование жизни. Это тоже возможный вектор развития современных пенсионных систем, который надо тщательно обсуждать.

Какие есть ещё варианты?

Во-первых, можно сохранить и реализовать на практике презюмируемое установление пенсионного возраста, как типичного возраста утраты трудоспособности. Для этого требуется проведение серьёзных научных исследований по определению репрезентативного (типичного) возраста утраты трудоспособности большинством работников. При применении такого подхода система ОСС сохраняется. По крайней мере, для наёмных работников, для которых по-прежнему актуально обеспечение со стороны работодателя и солидарно-распределительный механизм финансирования, позволяющий осуществлять социальное выравнивание доходов бедных и богатых работников.

Во-вторых, можно вернуться к индивидуальному определению (доказыванию) утраты трудоспособности каждым конкретным работником, превратив пенсию по старости в пенсию по инвалидности. Такой вариант увеличит транзакционные издержки пенсионной системы, но сохранит ОСС.

В-третьих, можно попытаться развести ОСС и страхование жизни, оставив в ОСС только пенсии по инвалидности, которые бы назначались застрахованным лицам по мере их обращения и признания их утратившими трудоспособность (независимо от причин такой утраты). Что касается пенсий по старости, то для новых назначений их можно было бы преобразовать в пенсии по возрасту, право на которые приобреталось бы гражданами по их желанию через заключение договоров страхования жизни или через механизм пенсионных накоплений. Такой подход допускает возможность одновременного получения и пенсии по инвалидности, и пенсии по возрасту, поскольку они устанавливаются за разные страховые случаи. Это позволило бы в перспективе перейти к формированию комплексного социального страхования по инвалидности, которое бы защищало не только от утраты дохода, но и от социальных расходов, вызванных всеми ограничениями жизнедеятельности,

связанными с инвалидностью (прежде всего, в связи с нуждаемостью в постоянном постороннем уходе). Для реализации этого проекта потребует вычленение тарифа на социальное страхование на инвалидность и по случаю потери кормильца. При этом общий (суммарный) тариф на ОСС может быть сокращён или перераспределён на иные цели.

Кстати, возможно рассмотреть и крайне актуальный вопрос об одновременной выплате с пенсиями по инвалидности и по возрасту ещё и пенсии по случаю потери, назначаемой в связи со смертью супруга, в целях компенсации утраченного общего дохода семейной пары. Это также страховой случай для супружеского коммерческого страхования. В системе ООС одновременная выплата нескольких пенсий не представляется возможной, поскольку их сумма может превысить утраченный работником трудовой доход, что противоречит смыслу социального страхования.

Все эти возможные варианты вытекают из логики развития пенсионной системы с учетом применения различных целеполаганий. Их, безусловно, необходимо обсуждать с оценкой возможных социальных последствий. Прежде всего, с позиций влияния возможных преобразований на преодоление бедности в нашей стране, являющейся одним из основных приоритетов текущего президентского цикла.

На этом я бы закончил. Спасибо.

Евгений Гонтмахер: Хочу оттолкнуться от того, о чем говорил Антон Валерьевич Табах, насчет потребительского спроса. Это очень важный момент. Мы его мало сегодня упоминали. Не в широком смысле, не в маркетинговом, а с точки зрения запросов людей. Проблема имеет непосредственное отношение к тому, что мы здесь обсуждаем. И вторая проблема – это труд.

Потребление. Мировая тенденция заключается в том, что, видимо, есть какие-то пределы роста – когда-то был знаменитый доклад «Римского клуба», – видимо, есть пределы роста потребления. Причем это устанавливается не насильственно, когда государство или общество говорят: «Вот тебе столько положено. А столько тебе не положено». Дело не в этом, а в том, что шеринговая экономика стала довольно широко распространяться. Даже у нас.

Например, вы берете автомобиль – каршеринговые компании есть даже в Москве и ряде других городов, – вам не нужно покупать собственный автомобиль, который 90% времени стоит в гараже или на стоянке, и не используется. Другими словами, омертвление ресурсов, капиталов и тому подобное постепенно начинает уходить. Причем формы коллективного быта, если можно так сказать, начали довольно широко появляться: они уже есть, по крайней мере, в европейских странах, и даже немножко у нас. Например, коллективное надомное обучение школьников. Потому что, допустим, в вашем городке вы не хотите отдавать в школу вашего ребенка, и вы собираете группу, кто-то из вас получает определенную квалификацию и преподает

математику, кто-то физику, еще используется онлайн обучение, когда, как известно, вообще можно лично не присутствовать. Таких примеров много.

Мы видим нарастание экологических движений, экологизацию сознания. Даже в России, между прочим. Это очень важный глобальный момент. И когда люди начинают понимать, достигнув довольно высокого уровня жизни, условно говоря, уровня жизни массового среднего класса, что два ужина не съешь, что тебе не нужен второй дом, например. То есть эти тенденции в поведении людей на рынке материальных благ нарастают по очень многим параметрам. С этой точки зрения начинают предъявляться и другие немножко требования к труду.

Мы говорили в самом начале пару слов, что труд, был либо принуждением фактически, когда ты если не работаешь, то умер с голоду, и вынужден был браться за любую работу, как это было в XIX веке, в XX веке. Но он постепенно уходит, прежде всего, в развитых странах. Но даже немного у нас тоже. Это к вопросу о роботизации, цифровизации и прочем. А сейчас многие боятся, что будет дефицит труда, будет негде работать. Нет, будет, где работать, но это будут рабочие места, которые в перспективе ни искусственный интеллект, ни робот не займут – это работа с другими людьми. Это работа с пожилыми людьми, причем, не просто медицинское обслуживание или уход, а организация досуга, общения, производство товаров для пожилых. Или работа с детьми.

В Финляндии есть очень интересный проект, который там называют деинституционализацией детства, когда дети забираются из коллективных форм жизни, из формальных институтов. Это не только детские дома, но и детские сады, школы и тому подобное. Они переходят в общину, куда также вливаются и пожилые люди, и где происходит коммуникации и работа с этими разными группами. То же самое можно сказать про инвалидов, про беженцев, мигрантов, которые есть во всех странах. Этот сегмент рынка труда, уверен, будет расти. Но он дает маленькую заработную плату, и это абсолютно очевидно. И тут снова надо обратить внимание на безусловный базовый доход.

Какой еще рынок будет расти очень сильно? Работа по обустройству собственной территории. Это не дворники, сантехники. Это, как было раньше, управдомы. Кто-то живет в кондоминиумах, кто-то живет в товариществах собственников жилья. Там нужен управляющий. Не из тех жильцов, кто работает, у кого нет времени. Нужен профессиональный управляющий, которому платят небольшие деньги, который является менеджером, который защищает интересы дома, микрорайона, он лоббирует их перед муниципальными властями.

Дальше. Муниципальная власть. Абсолютно понятная и назревшая тенденция к децентрализации власти. Муниципальных депутатов в перспективе должно быть больше, чем сейчас. За счет того, что сокращаются те, кто работает на более высоких уровнях власти. Там возможно введение небольшой зарплаты (сейчас эта работа, как правило, бесплатная).

Обратим внимание на процесс старения населения, часть которого сохраняет, тем не менее, здоровье. Мы стоим перед наступлением эпохи геронтократии 2.0. Первая у нас была в конце советского времени, а геронтократия 2.0 – это когда голосами большинства (а пожилые люди составляют все бóльшую долю в электорате) – будут приниматься решения, обязательные и для нас с вами, тех, кто помоложе, и для молодежи вообще. Плюс, эти люди, полные сил и энергии, будут идти работать депутатами, муниципальными служащими и так далее. С моей точки зрения, этот рынок труда очень перспективный. Но это скромные заработные платы, которые могут быть дополнены базовым доходом.

И в целом надо, чтобы люди не бегали с высунутым языком за лишним рублем, а имели возможности самореализовываться. Есть исследование, которое проводили в Высшей школе экономики: 2/3 семей борются за выживание и только 1/3 семей имеют возможности для развития. Это принципиально важно. Для большинства работа – это просто борьба за выживание, иначе они просто погибнут. И те же пособия – это подаяние, которое им поступает. А развитие домохозяйства, семьи, конкретного человека, оно должно строиться не на базе погони за лишней копеейкой.

Последнее. Мне кажется, для того, чтобы в России эти идеи, по крайней мере, начали обсуждаться, и они не казались каким-то чудачеством – не среди нас, ведь нас – тех, кто обсуждает, читает литературу, не так много, – я имею в виду среди широких масс людей. Для этого нужны очень простые, ясные и понятные вещи, которые можно сделать в ближайшее время. Зарплату увеличивать на нашем экономическом базисе бессмысленно. Надо поднимать экономику, создавать хорошие конкурентные рабочие места, чтобы люди получали высокую заработную плату за то, что у них нормальный высокопроизводительный труд. А тогда уже надо будет решать следующий вопрос: на что отчисления от этой заработной платы тратить? Но сейчас если указом президента увеличить заработную плату в два раза, то я вам гарантирую социальную катастрофу.

Самое последнее заключается в том, что в эти ближайшие шесть лет – у нас новый президентский цикл и майские указы, – нам надо подготовиться к тому, что будет после 2024 года. Мне кажется, здесь надо в систему свести какие-то разрозненные вещи, которые накопились почти за 30 лет существования новой России. Пенсионная система по-своему развивалась со всеми накопленными проблемами, соцзащита развивалась как-то по-своему, здравоохранение – с моей точки зрения, остается крайне проблемной сферой. Здесь надо обсуждать принципы, национальную модель здравоохранения, которая тоже имеет прямое отношение и к доходам населения, и к бюджету.

Безусловный базовый доход – это хороший повод начать именно эту дискуссию о социальной политике. Потому что пролог социальной политики XXI века – это и в России тоже.

Оксана Синявская: Спасибо большое. Я открываю дискуссию.

Юрий Кузнецов: Когда вы говорили, что читали идеи идеологов изобретателей безусловного базового дохода, кого имели в виду. Конкретных авторов. Может быть, мы все разных читали.

Юрий Воронин: К сегодняшнему выступлению я их специально не записывал. Но если интересует, я свои записи подниму, и завтра вам отвечу в Facebook. Но таких публикаций было достаточно много. У меня в архивах они сконцентрированы.

Евгений Якушев: У нас в первой части была представлена информация по итогам швейцарского референдума. И мы видим, что, несмотря на то, что проголосовали в целом швейцарцы против введения безусловного основного дохода, но максимальную поддержку получили молодые возраста, то есть они голосовали «за». В этой системе, Юрий Викторович, вы являетесь великолепным полемистом, но вы консерватор. И те механизмы решения проблемы пенсионной системы, которые вы перечислили, например, правительство компенсирует пенсионной системе свои решения, что потенциальные партнеры должны управлять пенсионной системой, что нам нужно достичь общественного согласия в отношении пенсионного возраста, при котором будет утрата трудоспособности... То есть мы до сих пор не можем найти решений по этим вопросам. И нет возможности в ближайшее время получить какое-то согласие по этим вопросам. Поэтому мы сейчас имеем разрушенное соглашение между поколениями.

Тут достаточно много молодых ребят. Мне кажется, большинство из них не верят в то, что они будут получать пенсию.

И есть еще такая поведенческая составляющая нынешней проблемы – то, что люди стараются по возможности не платить налоги. Когда я приводил пример, что система может выродиться в пенсионное пособие – да, есть альтернатива, но эта альтернатива будет выглядеть следующим образом: цифровизация, дигитализация приведет к тому, что все трудовые отношения будут централизованно храниться, то есть все будут иметь электронный цифровой трудовой контракт. Любой платеж будет проходить по этому контракту. Но это будет разворот к тотальному контролю за всеми финансовыми платежами. Действительно, технически это возможный путь для того, чтобы наполнить пенсионную систему деньгами, потому что сейчас мы видим, что количество плательщиков и количество тех, кто платит в пенсионную систему – это 25-30 миллионов человек, кто платит полновесным рублем. На их деньги выплачивается 42 миллиона пенсий. С этой точки зрения эта системная пауза, с одной стороны, носит объективный экономический характер, с другой стороны, заложила изменение в восприятии пенсионной системы теми поколениями, которые входят в трудовые отношения, и нельзя не обращать внимания на эту историю.

Юрий Воронин: Когда причину неплатежей приводят в качестве одной из причин кризиса, меня, как ни парадоксально, это не очень волнует, потому что я знаю, что люди, которые в пенсионную систему не платят, они из нее ничего не получают. Поэтому они кризис вызвать в пенсионной системе не в состоянии. Подчёркиваю, там возникает другая проблема – проблема уровня их доходов, когда они выступают в качестве нетрудоспособных, но это уже не проблема пенсионной системы, финансируемой из страховых источников, а это проблема государства и его бюджета. Честно разделяя функции и полномочия. Это, во-первых.

Что касается идеализма, это не идеализм, я только озвучил все те принципы, которые уже давным-давно предусмотрены Международной организацией труда в базовых конвенциях, которые, слава богу, мы начинаем постепенно ратифицировать, включая 102-ю конвенцию. И по роли социальных партнеров, и по договору поколений, и по тому, что правительство не должно вмешиваться в тарифную политику, потому что это вопрос социальных партнеров. Тут ничего нового консервативного или не консервативного я не сказал. Это нормы Международной Организации Труда, которые уже как век считаются нормой для всех. Мы как-то всегда считали по-своему. И пришли к результату, при котором правительство принимает решения, эти решения выражаются обычно в снижении тарифа для отдельных категорий, введении льгот. У нас 14 категорий имеют льготы по страховому тарифу. Я уж про досрочные пенсии не говорю, мы все их прекрасно знаем, это тоже порождение государственной тарифной политики, когда приходится из бюджета субсидировать то, что работодатели используют в качестве вредных и тяжёлых условий труда. И мы получаем то кризисное положение фонда, которое есть. Это не то кризисное положение, в котором находится сейчас немецкая, французская, американская пенсионные системы. Там это имеет чистую природу – природу прекращения роста фонда заработной платы, изменения той занятости, о которой Евгений Шлёмович говорил. Да, действительно, высокие заработные платы уходят в прошлое, низкие становятся нормой. Количество людей, получающих их, преобладают. И это проблема. Они над ней думают, решают, почему идея базового дохода и появилась. А нам надо решить проблемы насущные: проблемы досрочных пенсий, проблемы тарифной политики. И хорошо было бы подумать о самозанятых. Сейчас посмотрим, что даст этот эксперимент в четырех территориях. Мне кажется, очень прогрессивное решение, когда как раз их передают в область с перспективой пенсионных накоплений. Это правильно. Они не должны субсидироваться наемными работниками, чтобы не было перекосов внутри системы, искажений. Но та работа, которую мы с Евгением Шлёмовичем и Александром Львовичем писали по реформе социального страхования, имела, как мне кажется, очень глубокий смысл потому, что мы предлагали не просто фонды соединить, но изменить природу. Использовать не государственные учреждения, а общественные учреждения, потому что тогда бы это создало правовую основу для того, чтобы они принимали решения по ключевым позициям, а правительство только оформляло его

в виде законов и необходимых постановлений. Тогда бы тот общественный договор, о котором вы говорите – нарушен он или не нарушен – это вопрос другой, – он бы приобрел свое полноценное смысловое значение. А сегодня кто такой договор видел? Никто его не видел, никто его не заключал. Сегодня собственники страховались у государства, и оно монопольно решает их судьбу.

Джулиано Боноли: Спасибо. Должен сказать, что я считаю очень интересными все выступления в этой дискуссии. Очень пронизательными. Я бы хотел поделиться парой мыслей о том, что я вынесу из сегодняшнего обсуждения.

Первая идея, которой хотел поделиться. Мне кажется, спор о базовом доходе пока пускай останется на уровне принципов, видения и характера того общества, которое мы хотим построить, вместо того, чтобы обсуждать детали, размер финансирования и так далее.

Мы говорим о перспективах общественного прогресса. Это революционные изменения, которые можно сравнить с отменой рабства в Америке 150 лет назад. Сейчас не время обсуждать детали. Когда я думаю об этом видении, то не могу сказать, что совершенно невозможно представить будущее, где большую часть работ выполняют роботы, машины, а люди работают гораздо меньше, может быть, те самые 15 часов, которые предсказывал Кейнс на конец XX века. Разве это совсем невозможно представить? Нет. Но что трудно представить – это то, как перейти от сегодняшнего дня в это будущее. И в этом отношении эксперименты, к сожалению, не очень полезны.

Мы много говорили об экспериментах с базовым доходом. Сегодня проблема в том, что то, над чем мы можем экспериментировать, имеет очень мало отношения к тому, каким будет реальный базовый доход, если он, рано или поздно, будет внедрен в духе идей философов и экономистов, которые его придумали.

Финский эксперимент очень интересный, это может быть очень хорошая социальная политика, то, что они сделали. Но это мало относится к базовому доходу, если считать, что это то, что для всех и навсегда. И воздействие, которое может оказать базовый доход, можно почувствовать только после двух-трех поколений. Кто-то может перестать хотеть получать высшее образование, потому что зачем трудиться, когда у тебя есть базовый доход? Очень много всего может произойти. Я не думаю, что мы с помощью экспериментирования можем найти ответ на все неизвестное. Это вопрос видения, какое будущее мы хотим построить.

Когда Бенджамин Франклин хотел запретить рабство в США, представьте, он бы сказал: «Давайте здесь в одном районе отменим, и посмотрим, что будет». Понятно, что это было бы невозможно.

Что здесь важно – это совершать прогресс медленно, потому что имеется очень высокая неопределённость относительно потенциального воздействия всех этих мер, всего этого вмешательства.

Я не знаю, по какой траектории можно перейти из точки А в точку Б, но этот путь будет пройден, я уверен, очень медленно, с возможностью возвращаться, если мы решим, что пошли не по тому пути.

То, что мы, кстати говоря, не делали с евро в Западной Европе. Это тоже было общее стратегическое видение, чтобы у всех была единая валюта. Мы считали, что это хорошая идея. Многие думали, что это не такая хорошая идея. Но теперь туда уже вернуться невозможно. С базовым доходом все изменится. Спасибо.

Людмила Ржаницына: Мой вечный тезис. Может быть, это печальное преимущество моего возраста, но мне кажется, что надо двигаться постепенно и со смыслом.

Что значит со смыслом? Я считаю, что самозанятые будут платить, только надо сделать правильную систему. Я это уже 20 лет предлагаю. Напишите, что социальную пенсию будут получать те, кто не платил. Теперь в 65 лет – больше отодвигать некуда.

Но я хочу сказать другое. Скажите людям: «Вы не получите пенсию, если не будете страховаться и не будете платить взнос». А мне говорят: «Ай-ай-ай, а как же бедность?». А я отвечаю: «Пусть идут в отдел социального обеспечения, и доказывают, что у них нет доходов, нет детей и так далее. То есть просто адресная социальная помощь». А пенсия – это штука, которую мы должны заработать. Поскольку я считаю, что пенсия – это категория сферы труда, рынка труда. Поэтому этот доход меньше, чем моя пенсия, потому что я много лет трудилась и много лет вкладывала во что-то. Я стою на позициях Маркса, который считает, что чтобы общество жило и развивалось, должны быть интересы и стимулы. Что же это за человек, который только жрет, спит и гуляет? Без интересов и стимулов ничего не будет. А пенсия – тот самый интерес и стимул.

Последнее. Я не очень большой специалист, но когда я разбирала пенсионный бюджет, то видела, что там как раз страховые пенсии обеспечены страховыми взносами, что там насилие бюджета и государства происходит, которое вплоть до материнского капитала всадило в пенсию. А сейчас даже алименты всадило в пенсионные дела.

Поскольку никто не хочет заниматься розысками алиментов, никто не хочет сделать настоящий алиментный фонд, вот, что придумали! Если в течение года не найдут этого прелестного папу, который не платит, или не менее прелестную маму, которая не платит, то идут в суд, признают их безвестно отсутствующими, и назначают пенсию за потерю кормильца. Что это такое?! Еще и закон приняли.

Юрий Воронин: К вашему сведению, сейчас приняли закон о введении профессионального налога – правда, эксперимент в четырех территориях, – и эта идеология записана, но до конца еще не доведена. К сожалению, там разнесли их 29-ю статью Закона «Об обязательном пенсионном страховании», и они на

непонятных условиях должны его получать. Но думаю, что мы его с Андреем Николаевичем доделаем, и переведем их в систему индивидуального пенсионного капитала. Тогда будет реализована именно эта идея.

Людмила Ржаницына: Лишение права на пенсию неплательщиков взносов было возможно уже с 2013 года, как предлагал Юрий Викторович. Еще Вы помните, что предлагали, когда была очередная пенсионная реформа, введение страхования по уходу из старости? Если я доживу до такого момента, то я буду считать себя счастливым человеком. То есть я не буду зависеть от бюджета. Все люди будут платить маленький процент от своих доходов. Как в Германии, где 80 миллионов страхуются по уходу по болезни и старости.

Реплика: Взнос – 2,5%.

Людмила Ржаницына: Совершенно верно. Считаю нам с вами нужно этого добиваться. Поставить цель и обязательно это осуществить. Что там будет с пенсионной реформой – Бог с ним. Но то, что люди теряют здоровье во время старости, понимают все. Пожилые люди не хотят зависеть ни от своих детей, ни тем более от бюджета. И если это будет базовое страхование, то будет специальный фонд, специальные люди... Следует в этой системе учитывать развитие медицины для того, чтобы понять степень утраты трудоспособности и так далее. Все это продлит жизнь, а это самое главное в нашей социальной политике.

Наталья Грищенко: Грищенко Наталья, Институт социальной политики ВШЭ. Хотела поблагодарить за замечательные доклады и крайне интересную дискуссию по современному, на мой взгляд, сегодня вопросу, который, скорее всего, мы поставили сегодня, заглядывая в будущее.

Я хотела сказать несколько слов в защиту социального и пенсионного страхования, которое мы сегодня обсуждали. На мой взгляд, несмотря на то, что действительно существуют очень большие проблемы с наполняемостью, с выплачиваемостью пенсий, размерами и так далее, а также с классическим пониманием пенсионного страхования как вероятности дожития с базовыми объективными актуарными расчетами, связанными в данном случае с этим подходом, – тем не менее, те моменты, которые остаются с присутствием уязвимых слоев населения, тех слоев населения, которые не могут в данном случае в силу патернализма, какой-то иррациональности поведения обеспечивать себе пенсионный доход и уходить в некие индивидуальные траектории, мне кажется, социальное страхование, но только в плане пенсий по потере кормильца, в плане пенсий в данном случае по потере трудоспособности, но и непосредственно в плане пенсий по старости, будет иметь место наряду с теми объективными экономическими моментами, которые касаются провалов рынка, которые касаются не совсем достаточной готовности институтов и так далее. Поэтому, на мой взгляд, все-таки институциональное, социальное страхование будет иметь место и не сможет заменить собой, по крайней мере, полностью, траекторию индивидуализации, которая присутствует.

Оксана Синявская: На мой взгляд, дискуссия получилась исключительно плодотворной. Мы с разных сторон на протяжении дня подходили к концепции базового дохода, обсуждая зарубежный опыт, сдвигаясь от общих принципов в сторону практических аспектов его внедрения. Одновременно мы постоянно возвращались к обсуждению концептуальных основ будущего социального государства в контексте появления такого нового инструмента как безусловный базовый доход. Мне кажется, не случайно мы так часто сегодня вспоминали Маркса. В XX веке социальное государство сыграло важную роль в адаптации и снижении социально-политической напряженности в контексте прошлого технологического вызова и прошлой технологической революции. Важно помнить, что всегда существует некий лаг между технологическими инновациями и тем, как общество способно к ним адаптироваться. И адаптация XX века, к сожалению, не была особенно спокойной. Поэтому мы понимаем, что в ходе общественной адаптации к новым технологическим вызовам в XXI веке могут возникнуть новые, не всегда предсказуемые, риски. И было бы большой ошибкой сейчас отказываться от этого инструмента защиты людей от бедности, который в свое время позволил освободить их от диктата рынка. Неслучайно для описания этой свободы от рынка в разных государствах благосостояния социолог Гёста Эспинг-Андерсен (Gøsta Esping-Andersen) ввел термин «де-коммодификация» («decommodification»), в котором тоже содержится коннотация к работам Маркса.

Но при этом очевидно, что безусловный базовый доход предлагает новую трактовку де-коммодификации, устанавливает новые правила в предоставлении социальных гарантий. По сути, он во многом пересматривает тот общественный договор, который был сформирован примерно столетие назад. Поэтому движение к нему не может быть простым и быстрым. И я бы здесь поддержала профессора Боноли о важности осторожного и осмысленного движения вперед. Как говорят в России, «тише едешь, дальше будешь». Эта неторопливость дает нам время пообсуждать и осмыслить все возможные риски и какие-то побочные последствия введения как базового дохода, так и, может быть, появления других новых инструментов, и вообще новой конфигурации социального государства. Более того, сегодня многие докладчики и дискуссионщики говорили о том, что у нас социальная политика в целом, и особенно пенсионная система, отличаются очень сильной зависимостью от предыдущей траектории развития. И эта зависимость есть, как говорила Светлана Мареева, и в установках населения. И для того, чтобы появление новых инструментов было максимально органичным, мы не должны игнорировать медленность изменения этих установок.

Вместе с тем, в сегодняшней дискуссии меня насторожила неоднократно высказанная точка зрения о том, что концепция безусловного базового дохода прекрасно ложится на опыт и условия наиболее развитых стран, а России до этого еще очень далеко и поэтому незачем тратить время на ее обсуждение. Признавая приоритет решения каких-то других, в чем-то более насущных проблем, и в

социальной политике, и в благосостоянии населения, мне кажется очень важным понимать, что Россия все равно идет той же дорогой, в технологическом и социально-экономическом развитии, что и более развитые страны. И ямы, и опасности на этой дороге у нас будут очень похожими. И какие-то ее участки, возможно, удастся пройти быстрее. Поэтому если мы не будем уже сейчас обсуждать такие инструменты ответов на стратегические вызовы как, например, безусловный базовый доход, то можем столкнуться с ситуацией, когда, решив свои насущные проблемы, мы окажемся у разбитого корыта. Эта неготовность к новым рискам и вызовам, которые поставит перед нами экономика и технологическое развитие, затормозят наше движение вперед или сделают его особенно болезненным.

Евгений Гонтмахер: Коллеги, спасибо, что поддержали инициативу «Европейского диалога». Я очень признателен Высшей школе экономики и «Фонду Эберта».

Вчера поздно вечером я вернулся с Парижского форума мира, где были представлены 120 гражданских инициатив со всего мира. Там было очень интересное выступление Генсека ООН Антониу Гутерреша. Он говорил, о том, что мы не знаем, куда идем. Он перечислял даже не проблемы с оружием. Он говорил про бедность, про неравенство, про миграцию, про здравоохранение, старение, климатические изменения. И он в течение 40 минут всех, кто там собрались, в том числе и президентов, убеждал в том, что надо ответить на вопросы: «Ребята, что делать вообще?! Куда мы все движемся?!»

Главное что? Главное: что делать с человеком? Это самая большая загадка. Что с нами делать? Потому что наступает время, что мы стали менее зависимы от машин, к которым мы были приложением. Менее зависимы от бедности, потому что все-таки по официальным данным крайняя бедность в мире уменьшается. Различия растут, а крайняя бедность уменьшается.

Возникает проблема, чем человек должен заниматься. Ведь стирается граница между свободным и рабочим временем. Ставятся под сомнение какие-то незыблемые вещи, которые были до этого, например, те же самые трудовые отношения. Например, нынешний российский Трудовой кодекс – это документ промышленной эпохи. Он совершенно не описывает очень многие виды деятельности, когда исчезают различия между свободным временем, работой, дистанционной занятостью, частичной занятостью.

Мы находимся, видимо, на каком-то переломе эпох. Надвигается что-то глобальное, которое предопределяет новую роль человека, новую роль государства. Сейчас, с моей точки зрения, идеологический водораздел проходит не между либеральными и социал-демократическими концепциями. Теперь он другой – кто для кого: государство для человека или человек для государства. Ровно также от понятия «уровня жизни» мы постепенно переключаемся на «качество жизни».

Если нам предстоит сделать прорыв, то мы должны людей мотивировать не так, как это было раньше, в XX веке. Тогда это был либо кусок хлеба (замаскированный под стимулирование через зарплату) или штык или «шарашка», где делались всякие изобретения. А сейчас единственный выход – это свобода, как человека, так и общества.

А базовый доход может быть некой сеткой безопасности, которая будет обеспечивать самочувствие человека с точки зрения комфортности жизни, позволять ему развиваться.

Сегодняшняя дискуссия, мне кажется, помогла, и, по крайней мере, мне было очень интересно послушать, пощупать проблему базового дохода с разных сторон.

Спасибо!

Оксана Синявская: Коллеги, в заключение я хочу поблагодарить всех участников конференции, потому что без ваших вопросов и комментариев не было такой плодотворной дискуссии. Все сегодняшние презентации будут размещены на сайте конференции. Спасибо.

Еще я бы хотела поблагодарить Ольгу Ворон, которая занималась организацией всей конференции. И переводчиков, доля которых всегда очень тяжела, особенно когда обсуждаются такие новые разнообразные темы.